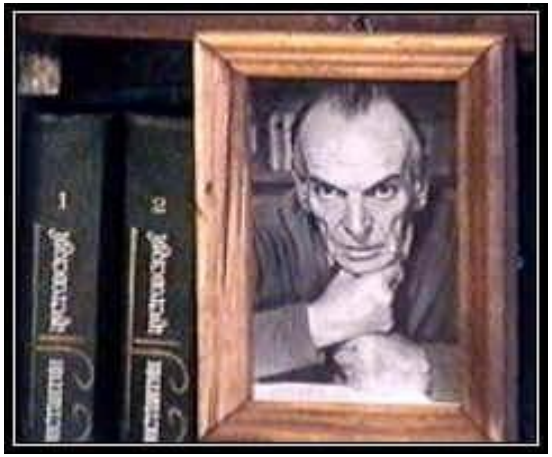
Управление по культуре и делам молодежи
администрации городского округа Электросталь
Московской области
МУ «Централизованная библиотечная система»
Центральная городская библиотека
им. К.Г. Паустовского
Методико-библиографический отдел

"ОБАЯНИЕ ЩЕДРОГО ТАЛАНТА"

К 120-летию со дня рождения

К.Г. ПАУСТОВСКОГО



Библиографический указатель литературы

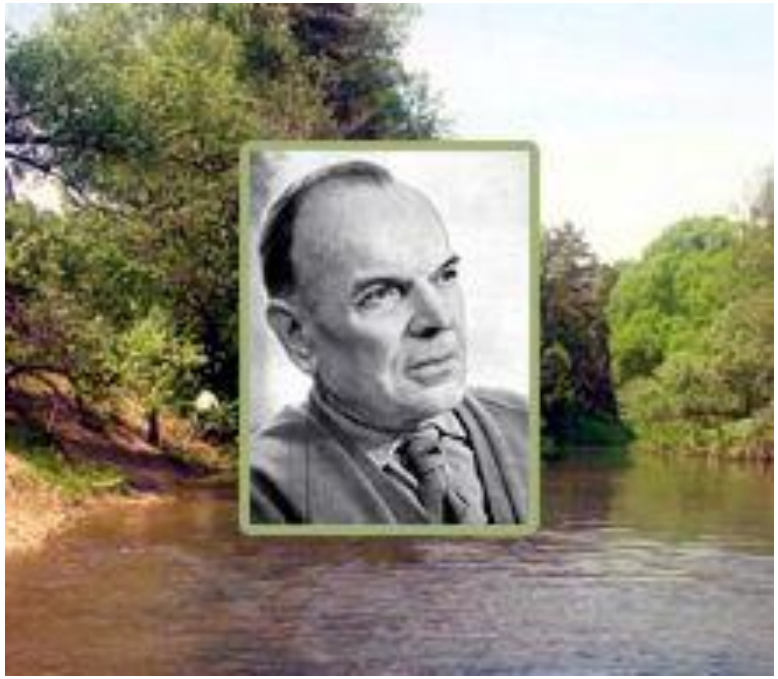
Электросталь
2014

Обаяние щедрого таланта: к 120-летию со дня рождения К.Г. Паустовского: библиогр. указатель лит. / сост. Е.В. Ломовцева; ред. Т.А. Соловьева.- Электросталь, 2012.- 94 с.- (ЦГБ им. К.Г. Паустовского).

Составитель Е.В. Ломовцева
Редактор Т.А. Соловьева

"Если отнять у человека способность мечтать, то отпадёт одна из самых мощных побудительных причин, рождающих культуру, искусство, науку и желание борьбы во имя прекрасного будущего".

К.Г. Паустовский



Этот тихий уголок московский,
Парк кузьминский, деревянный дом…
Здесь не жил писатель Паустовский,
Что же все вокруг поет о нем?

Почему среди замшелых буден,
Одурев от бесконечных бед,
К дому этому стремятся люди,
Словно бабочки из тьмы на свет?

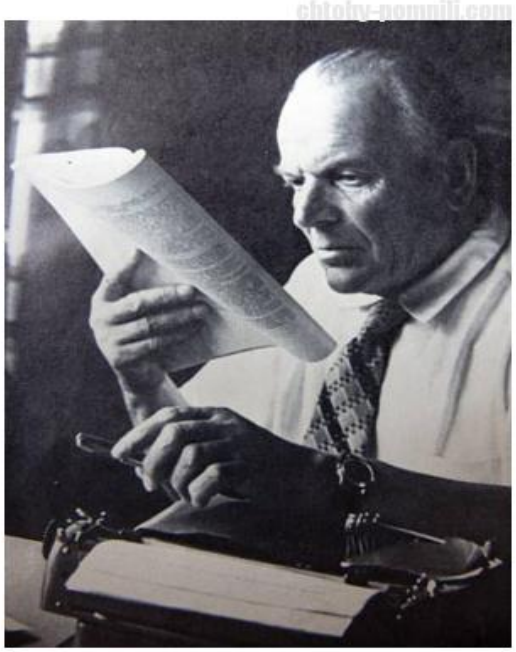
И не с любопытством ротозеев,
А с надеждой, робкой как птенец,
К истинно народному музею
Мы идем, изверившись вконец.

Чтобы душу отогреть с мороза
И живого слова зачерпнуть,
Чтоб сквозь грозы Золотая Роза
Каждому высвечивала путь.

Этот тихий уголок московский,
Парк кузьминский, деревянный дом…
Здесь живет писатель Паустовский -
Приходите к чаю вечерком.

Татьяна Мельникова, г. Таруса

Константин Паустовский принадлежит к числу тех художников, чье творчество составляет золотой фонд русской художественной классики. Не случайно, что при всех духовных потерях современного нашего общества, при всех так называемых «пересмотрах» наследия литературы советского периода Паустовский по-прежнему продолжает устойчиво занимать свое место в русской литературе и все так же стабильно сохраняет своего читателя. Значит, книги Паустовского действительно



таят в себе какие-то непреходящие и не подверженные никакой идеологической и политической конъюнктуре внутренние эстетические резервы, читательское открытие которых всегда эффективно, а для науки о литературе до сих пор остается во многом не до конца разгаданным и объясненным, хотя сам писатель достаточно подробно во многих своих сочинениях и

выступлениях, посвященных проблемам литературного творчества, рассказал о «секретах» писательского мастерства, в том числе и о своем художническом опыте.

Московский литературный музей-центр К.Г. Паустовского подготовил и издал четыре выпуска сборника научных трудов «К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения». Основу сборников составляют доклады и сообщения международных научных конференций, посвященных жизни и литературному наследию Константина Паустовского, и приуроченных к юбилейным датам писателя.

Библиографический указатель литературы «Обаяние щедрого таланта», посвященный 120-летию со дня рождения К.Г. Паустовского, подготовлен на основе росписи статей этих сборников, аннотирован. В указателе представлены последние по времени работы ведущих исследователей творчества выдающегося писателя, признанного классика русской литературы XX века Константина Паустовского - научные статьи, эссе, методические работы по теме «Паустовский в школе и ВУЗе», очерки литературного краеведения, исследования, студенческие работы, материалы об отдельных персонажах и героях книг К. Паустовского.

Библиографический указатель предназначен для преподавателей, студентов гуманитарных ВУЗов, учителей школ, колледжей, гимназий и лицеев, для библиотекарей, а также для всех, кто интересуется творчеством Константина Паустовского.

Константин Георгиевич Паустовский

"КОРОТКО О СЕБЕ"

С детских лет мне хотелось увидеть и испытать все, что только может увидеть и испытать человек. Этого, конечно, не случилось. Наоборот, мне кажется, что жизнь была небогата событиями и прошла слишком быстро.

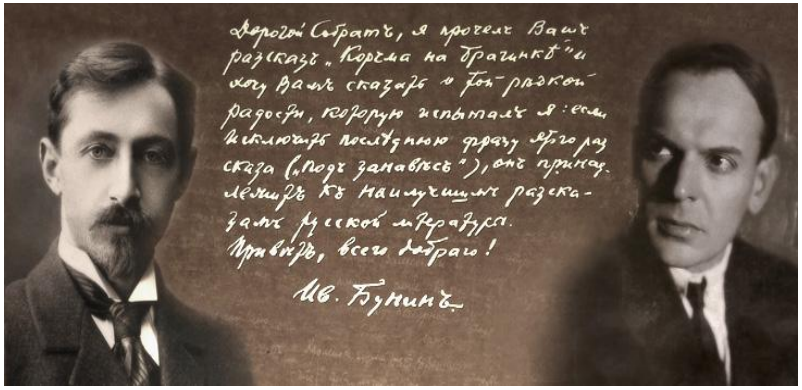
Но так кажется лишь до тех пор, пока не начнешь вспоминать. Одно воспоминание вытягивает за собой другое, потом третье, четвертое. Возникает непрерывная цепь воспоминаний, и вот оказывается, что жизнь была разнообразнее, чем ты думал.

Прежде чем рассказать вкратце свою биографию, я хочу остановиться на одном своем стремлении. Оно появилось в зрелом возрасте и с каждым годом делается сильнее. Сводится оно к тому, чтобы насколько можно приблизить свое нынешнее душевное состояние к той свежести мыслей и чувств, какая была характерна для дней моей юности.

Я не пытаюсь возвратить молодость - это, конечно, невозможно, - но все же пытаюсь проверять своей молодостью

каждый день теперешней жизни. Молодость для меня существует как судья моих сегодняшних мыслей и дел.

С возрастом, говорят, приходит опыт. Он заключается, очевидно, и в том, чтобы не дать потускнеть и иссякнуть всему ценному, что накопилось за прожитое время.



Родился я в 1892 году в Москве, в Гранатном переулке, в семье железнодорожного статистика. До сих пор Гранатный переулок осеняют, говоря несколько старомодным языком, те же столетние липы, какие я помню еще в детстве. Отец мой, несмотря на профессию, требовавшую трезвого взгляда на вещи, был неисправимым мечтателем. Он не выносил никаких тягостей и забот. Поэтому среди родственников за ним установилась слава человека легкомысленного и бесхарактерного, репутация фантазера, который, по словам моей бабушки, "не имел права жениться и заводить детей".

Очевидно, из-за этих своих свойств отец долго не уживался на одном месте. После Москвы он служил в Пскове, в Вильно и, наконец, более или менее прочно осел в Киеве, на Юго-Западной железной дороге. Отец происходил из запорожских казаков, переселившихся после разгрома Сечи на берега реки Рось около Белой Церкви. Там жили мой дед -

бывший николаевский солдат, и бабка - турчанка. Дед был кроткий синеглазый старик. Он пел надтреснутым тенором старинные думки и казацкие песни и рассказывал нам много невероятных, а подчас и трогательных историй "из самой что ни на есть происшедшей жизни". Моя мать - дочь служащего на сахарном заводе - была женщиной властной и неласковой. Всю жизнь она держалась "твердых взглядов", сводившихся преимущественно к задачам воспитания детей. Неласковость ее была напускная. Мать была убеждена, что только при строгом и суровом обращении с детьми можно вырастить из них "что-нибудь путное".

Семья наша была большая и разнообразная, склонная к занятиям искусством. В семье много пели, играли на рояле, благоговейно любили театр. До сих пор я хожу в театр, как на праздник. Учился я в Киеве, в классической гимназии. Нашему выпуску повезло: у нас были хорошие учителя так называемых "гуманитарных наук", - русской словесности, истории и психологии. Почти все остальные преподаватели были или чиновниками, или маньяками. Об этом свидетельствуют даже их прозвища: "Навуходоносор", "Шпонька", "Маслобой", "Печенег". Но литературу мы знали и любили и, конечно, больше времени тратили на чтение книг, нежели на приготовление уроков. Со мной училось несколько юношей, ставших потом известными людьми в искусстве. Учился Михаил Булгаков (автор "Дней Турбиных"), драматург Борис Ромашов, режиссер Берсенев, композитор Лятошинский, актер Куза и певец Вертинский.

Лучшим временем - порой безудержных мечтаний, увлечений и бессонных ночей - была киевская весна, ослепительная и нежная весна Украины. Она тонула в росистой сирени, в чуть липкой первой зелени киевских садов, в запахе тополей и розовых свечах старых каштанов. В такие весны нельзя было не влюбляться в гимназисток с тяжелыми косами и не писать стихов. И я писал их без всякого удержу, по два-три стихотворения в день. Это были очень

нарядные и, конечно, плохие стихи. Но они приучили меня к любви к русскому слову и к мелодичности русского языка.

О политической жизни страны мы кое-что знали. У нас на глазах прошла революция 1905 года, были забастовки, студенческие волнения, митинги, демонстрации, восстание саперного батальона в Киеве, "Потемкин", лейтенант Шмидт, убийство Столыпина в Киевском оперном театре.

В нашей семье, по тогдашнему времени считавшейся передовой и либеральной, много говорили о народе, но подразумевали под ним преимущественно крестьян.

О рабочих, о пролетариате говорили редко. В то время при слове "пролетариат" я представлял себе огромные и дымные заводы - Путиловский, Обуховский и Ижорский, - как будто весь русский рабочий класс был собран только в Петербурге и именно на этих заводах.

Когда я был в шестом классе, семья наша распалась, и с тех пор я сам должен был зарабатывать себе на жизнь и ученье. Перебивался я довольно тяжелым трудом, так называемым репетиторством.

В последнем классе гимназии я написал первый рассказ и напечатал его в киевском литературном журнале "Огни". Это было, насколько я помню, в 1911 году. С тех пор решение стать писателем завладело мной так крепко, что я начал подчинять свою жизнь этой единственной цели.

В 1912 году я окончил гимназию, два года пробыл в Киевском университете и работал и зиму и лето все тем же репетитором, вернее, домашним учителем. К тому времени я уже довольно много поездил по стране (у отца были бесплатные железнодорожные билеты). Я был в Польше (в Варшаве, Вильно и Белостоке), в Крыму, на Кавказе, в Брянских лесах, в Одессе, в Полесье и Москве. Туда после смерти отца переехала моя мать и жила там с моим братом - студентом университета Шанявского. В Киеве я остался один.

В 1914 году я перевелся в Московский университет и переехал в Москву. Началась первая мировая война. Меня как младшего сына в семье в армию по тогдашним законам не взяли. Шла война, и невозможно было сидеть на скучноватых университетских лекциях. Я томился в унылой московской квартире и рвался наружу, в гущу той жизни, которую я только чувствовал рядом, около себя, но еще так мало знал.

Я пристрастился в то время к московским трактирам. Там за пять копеек можно было заказать "пару чая" и сидеть весь день в людском гомоне, звоне чашек и бряцающем грохоте "машины" - оркестриона. Почему-то почти все "машины" в трактирах играли одно и то же: "Шумел-горел пожар московский" или "Ах, зачем эта ночь так была хороша". Трактиры были народными сборищами. Кого только я там не встречал! Извозчиков, юродивых, крестьян из Подмосковья, рабочих с Пресни и из Симоновой слободы, толстовцев, молочниц, цыган, белошвеек, ремесленников, студентов, проституток и бородатых солдат - "ополченцев". И каких только говоров я не наслушался, жадно запоминая каждое меткое слово. Тогда у меня уже созрело решение оставить на время писание туманных своих рассказов и "уйти в жизнь", чтобы "все знать, все почувствовать и все понять". Без этого жизненного опыта пути к писательству были наглухо закрыты, - это я понимал хорошо.

Я воспользовался первой же возможностью вырваться из скудного своего домашнего обихода и поступил вожатым на московский трамвай. Но продержался я в вожатых недолго - вскоре меня разжаловали в кондукторы за то, что я разбил автомобиль с молоком знаменитой в то время молочной фирмы Бландова. Поздней осенью 1914 года в Москве начали формировать несколько тыловых санитарных поездов. Я ушел с трамвая и поступил санитаром на один из этих поездов. Мы брали раненых в Москве и развозили их по глубоким тыловым городам.

Тогда я впервые узнал и всем сердцем и навсегда полюбил среднюю полосу России с ее низкими и, как тогда мне казалось, сиротливыми, но милыми небесами, с молочным дымком деревень, ленивым колокольным звоном, поземками и скрипом розвальней, мелколесьем и унавоженными городами Ярославлем, Нижним Новгородом, Арзамасом, Тамбовом, Симбирском и Самарой. Все санитары на поезде были студенты, а сестры - курсистки. Жили мы дружно и работали много.

Во время работы на санитарном поезде я слышал от раненых множество замечательных рассказов и разговоров по всяческим поводам. Простая запись всего этого составила бы несколько томов. Но записывать у меня не было времени. Поэтому я с легкой завистью читал потом превосходную книгу Софьи Федорченко "Народ на войне" - дословную солдатских разговоров. Книга эта прогремела по России. Она была сильна как своей правдивостью, так и тем, что в ней уже слышался (в словах солдат) еще отдаленный, но явственный

гром приближающейся революции.

В 1915 году всю нашу студенческую команду перевели с тылового поезда на полевой. Теперь мы брали раненых вблизи места боев, в Польше и Галиции, и отвозили их в Гомель и Киев.

Осенью 1915 года я перешел с поезда в полевой санитарный отряд и прошел с ним длинный путь отступления от Люблина в Польше до городка Несвижа в Белоруссии. В отряде из попавшегося мне засаленного обрывка газеты я узнал, что в один и тот же день были убиты на разных фронтах два мои брата. Я остался у матери совершенно один, кроме полуслепой и больной моей сестры.

Я вернулся к матери, но долго не мог высидеть в Москве и снова начал свою скитальческую жизнь. Я уехал в Екатеринослав и работал там на металлургическом Брянском заводе, потом перекочевал в Юзовку на Новороссийский завод, а оттуда в Таганрог на котельный завод Нев-Вильдэ. Осенью ушел с котельного завода в рыбачью артель на Азовском море.

В свободное время я начал писать в Таганроге свою первую повесть "Романтики". Писал ее долго, несколько лет. Вышла в свет она значительно позже - в тридцатых годах в Москве.

Февральская революция застала меня в глухом городке Ефремове, бывшей Тульской губернии.

Я тотчас уехал в Москву, где уже шли и день и ночь

митинги на всех перекрестках, но главным образом около памятников Пушкину и Скобелеву. Я начал работать репортером в газетах, не спал и не ел, носился по митингам и впервые познакомился с двумя писателями - другом Чехова стариком Гиляровским, "Дядей Гиляем", и начинающим писателем-волгарем Александром Степановичем Яковлевым.

Судорожная жизнь газетных редакций совершенно захватила меня, а беспокойное и шумное племя журналистов казалось мне наилучшей средой для писателя. После Октябрьской революции и переезда Советского правительства в Москву я часто бывал на заседаниях ЦИКа (в "Метрополе", в "зале с фонтаном"), несколько раз слышал Ленина, был свидетелем всех событий в Москве в то небывалое, молодое и бурное время. Потом опять скитания по югу страны, снова Киев, служба в Красной Армии в караульном полку, бои со всякими отпетыми атаманами - Зеленым, Струком, Червоным ангелом и "Таращанскими хлопцами".

Киев в то время часто осаждали. Вокруг города почти непрерывно гремела канонада, и население толком даже не знало, кто пытается захватить город - петлюровцы, Струк или деникинцы.

Из Киева я уехал в Одессу, начал работать там в газете "Моряк" пожалуй, самой оригинальной из всех тогдашних советских газет. Она печаталась на обороте разноцветных листов от чайных бандеролей и помещала множество морского материала - от стихов французского поэта и матроса Тристана Корбьера до первых рассказов Катаева.

Была блокада. Море было пустынно, но, как всегда, прекрасно. В редакции работало около семидесяти сотрудников, но никто из них не получал ни копейки гонорара. Платили то дюжиной перламутровых пуговиц, то синькой, то пачкой черного кубанского табака. Время было голодное и веселое.

В Одессе я впервые попал в среду молодых писателей. Среди сотрудников "Моряка" были Катаев, Ильф, Багрицкий, Шенгели, Лев Славин, Бабель, Андрей Соболь, Семен Кирсанов и даже престарелый писатель Юшкевич. Мы смотрели на него, как на реликвию. В Одессе я жил в полуразрушенной дворницкой на Ланжероне, у самого моря, и много писал, но еще не печатался. Вернее, не позволял себе печататься, считая, что еще не добился умения овладевать любым материалом и жанром. Эту способность я считал в то время главным признаком писательской зрелости.

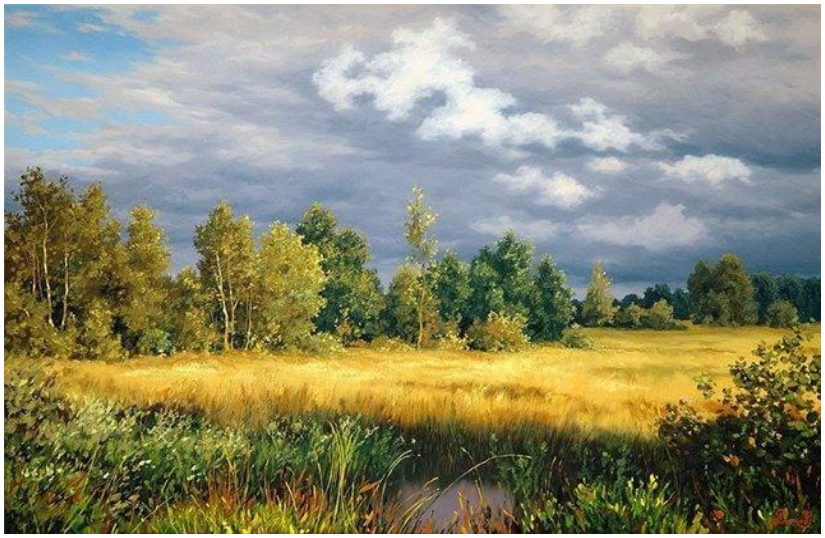
Вскоре мною снова овладела "муза дальних странствий". Я уехал из Одессы, жил в Сухуми - тогда еще очень провинциальном городке, в Батуми с его тяжелыми теплыми ливнями, в Тбилиси, был в Эривани, Баку и Джульфе, пока, наконец, не вернулся в Москву. Несколько лет я работал в Москве редактором РОСТА и уже начал время от времени печататься. Первой моей книгой был сборник рассказов "Встречные корабли".

Летом 1932 года я задумал написать книгу об уничтожении пустынь, объехал все берега Каспийского моря и, возвратившись, написал повесть "Кара-Бугаз". Писал я ее не в

Москве, а в Березниках, на Северном Урале, куда был послан корреспондентом РОСТА.

После выхода в свет "Кара-Бугаза" я оставил службу, и с тех пор писательство стало моей единственной всепоглощающей, порой мучительной, но всегда прекрасной и любимой работой.

Примерно в это время я "открыл" для себя под самой Москвой неведомую и заповедную землю - Мещеру. Открыл я ее случайно, рассматривая клочок карты, - в него мне завернули в соседнем гастрономе пачку чая. На этой карте было все, что привлекало меня еще с детства, - глухие леса, озера, извилистые лесные реки, заброшенные дороги и даже постоялые дворы.



Я в тот же год поехал в Мещеру, и с тех пор этот край стал второй моей родиной. Там до конца я понял, что значит любовь к своей земле, к каждой заросшей гусиной травой колее дороги, к каждой старой ветле, к каждой чистой лужице, где отражается прозрачный серп месяца, к каждому пересвисту птицы в лесной тишине.

Ничто так не обогатило меня, как этот скромный и тихий край. Там впервые я понял, что образность и волшебность (по словам Тургенева) русского языка неуловимым образом связаны с природой, с бормотаньем родников, криком журавлиных стай, с угасающими закатами, отдаленной песней девушек в лугах и тянущим издалека дымком от костра. Мещера постепенно стала любимым приютом нескольких писателей. Там жил Фраерман и часто бывали Гайдар, Роскин, Андрей Платонов. В Мещере я сдружился с Гайдаром - с этим удивительным человеком, существовавшим в повседневной действительности так же необыкновенно и задушевно, как и в своих книгах.

Мещере я обязан многими своими рассказами, "Летними днями" и маленькой повестью "Мещерская сторона". Почти каждая моя книга - это поездка. Или, вернее, каждая поездка это книга.

После поездки в Поти я написал "Колхиду", после изучения берегов Черноморья - "Черное море", после жизни в Карелии и в Петрозаводске "Судьбу Шарля Лонсевиля" и "Озерный фронт".

Свою любовь к Ленинграду я выразил в какой-то мере в "Северной повести" и во многих других вещах. Ездил я по-прежнему много, даже больше, чем раньше. За годы своей писательской жизни я был на Кольском полуострове, изъездил Кавказ и Украину, Волгу, Каму, Дон, Днепр, Оку и Десну, Ладожское и Онежское озера, был в Средней Азии, на Алтае, в Сибири, на чудесном нашем северо-западе в Пскове, Новгороде, Витебске, в пушкинском Михайловском, в Эстонии, Латвии, Литве, Белоруссии.

Во время Великой Отечественной войны я был военным корреспондентом на Южном фронте и тоже изъездил множество мест.

У каждого писателя своя манера жить и писать. Что касается меня, то для плодотворной работы мне нужны две вещи: поездки по стране и сосредоточенность.

Написал я за свою жизнь как будто много, но меня не покидает ощущение, что все написанное только начало, а вся настоящая работа еще впереди. Это довольно нереальная мысль, если принять во внимание мой возраст. Жизнь всегда кажется мне смертельно интересной во всех своих аспектах. Этим, очевидно, и объясняется, что я с одинаковой охотой обращаюсь к самым разнообразным темам и жанрам - к рассказу, повести, роману, сказке, биографической повести, краеведческому очерку, к пьесе, статьям и сценариям.

Несколько особняком стоит моя работа над автобиографическим циклом "Повесть о жизни". Первая книга этого цикла - "Далекие годы" - вышла в 1947 году. Сейчас уже вышло шесть книг: "Далекие годы", "Беспокойная юность", "Начало неведомого века", "Время больших ожиданий", "Бросок на юг" и "Книга скитаний". Мне предстоит написать еще две книги, чтобы довести действие этого цикла до наших дней.

В послевоенные годы я много ездил по Западу - был в Польше, Чехословакии, Болгарии, Турции, Италии, - жил на острове Капри, в Турине, Риме, в Париже и на юге Франции -

в Авиньоне и Арле. Был в Англии, Бельгии - в Брюсселе и Стенде, - Голландии, Швеции и мимоходом еще в других странах.

Вот очень короткий отчет о моей жизни. Более полный отчет будет дан в том автобиографическом цикле, о котором я только что упомянул.

Мы часто обращаемся внутренним своим взором к Пушкину. Он вместил все, чем живет человек, в пределы своей блистательной поэзии. Заканчивая этот короткий очерк своей жизни, я хочу напомнить и себе и другим писателям тот пушкинский великий закон мастерства, следование которому навеки соединяет сердце писателя с сердцем его народа. Закон этот прост. Пушкин сказал:

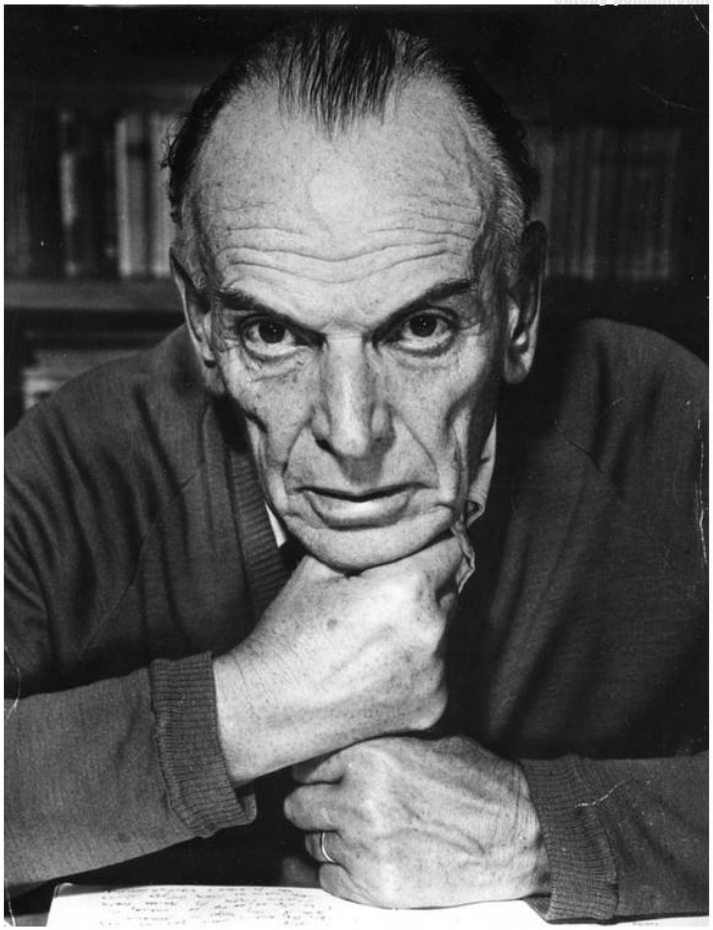
...Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородный.

К. П а у с т о в с к и й
Март 1966 года
Крым. Ореанда.

«ЧТОБЫ ПОМНИЛИ»

Галина Коршункова

chtoby-pomnili.com



Паустовский Константин Георгиевич

31 мая 1892 года – 14 июля 1968 года

chtoby-pomnili.com

Наверное, это только душа русского человека может так сродниться с душой любимого писателя, войти в ткань его произведений, подружиться с его героями, полюбить так, что этот писатель – человек становится родным. Вспоминают, что таким для русского читателя был Чехов, и когда он умер в 1904 году, многие восприняли его смерть как огромное личное горе. В числе таких людей был Георгий Максимович Паустовский, отец 12-летнего Костика Паустовского. Позже уже зрелым мастером Паустовский скажет о Чехове: « Он был не только гениальным писателем, но и совершенно родным человеком. Он знал, где лежит дорога к человеческому благородству, достоинству и счастью, и оставил нам все приметы этой дороги». Читая эти строки, я всегда отношу их к самому Константину Георгиевичу Паустовскому.

Константина Георгиевича называли Волшебником. Он умел писать так, что у человека, читающего его книги, становились волшебными глаза. Известно, что люди есть "пустоглазые" и "волшебноглазые".

Как мне повезло, что незадолго до своей смерти мама вложила мне в руки книгу Паустовского "Повесть о лесах и рассказы". Книга была открыта на рассказе "Снег". Мне было 15 лет.

И может быть, я родилась в 15 лет, в тот майский день, когда сидела на балконе и готовилась к экзаменам, а красные тополиные серёжки слетали на страницы учебника (тогда экзамены сдавали каждый год).

Я считаю его своим духовным отцом. В тот памятный день он как бы промыл мне глаза, и я увидела мир в цвете - прекрасный, сказочный, неповторимый. Он научил меня не только смотреть, но и видеть. Благодаря его урокам я полюбила стихи, музыку, природу, всё самое хорошее, чем должен жить человек.

В поздние годы у К.Г. было немало учеников, он преподавал в Литературном институте, вёл семинар прозы: Ю. Бондарев, В. Тендряков, Г. Бакланов, Ю. Казаков, Б. Балтер,

Г. Корнилова, С. Никитин, Л. Кривенко, И. Дик, А. Злобин, И. Гофф, В. Шорор.

Но его учениками являются и его читатели, испытавшие на себе нравственные уроки "доктора Пауста". Он продолжается в нас, его читателях.

"Доктором Паустом" называл его Э. Казакевич. Паустовский и впрямь был похож на легендарного героя Гёте, самозабвенно искавшего смысл жизни и нашедшего его в прекрасном служении людям.

В мире Паустовского всегда господствовали нравственные нормы будущего. Человек жил там, где мы ещё не скоро будем жить. И не только в книгах. Он и в жизни был таким - человеком будущего. Это редкий случай, когда писатель равен человеку.

Самое тонкое отличительное свойство К.Г. как писателя - обострённая совестливость и человеческая деликатность. А Назым Хикмет определил в двух словах образ К.Г. - ЧЕСТНОСТЬ и ТАЛАНТ.

Я же, перечитывая Паустовского, часто отрываюсь и вздыхаю. Вздыхаю не от того, что мне плохо. А оттого, что уж очень хорошо. Каждое его слово, каждая фраза так отточены, так совершенны, будто отлиты из золота.

Всегда кажется, что в рассказах, повестях он обращается именно ко мне, что он всё обо мне знает и верит в меня. Может быть, так кажется всем его читателям?

Об этом пишет Э. Миндлин: "Читателям хорошо с Паустовским. Это необыкновенно много, когда читателю с писателем хорошо. И это совсем не часто случается, даже когда писатель большой художник, потому что доброта - это совсем не непременное свойство таланта. Доброта - разновидность дара художника. Паустовский в большом смысле добрый художник".

Родился К.Г. Паустовский 31 мая 1892 года в Москве в семье железнодорожного служащего. Происходил он с одной стороны от бабки-турчанки, была в нём польская кровь, была и запорожская. О предках своих говорил он, всегда посмеиваясь, покашливая, но было видно - чувствовать себя

сыном Востока и запорожской вольницы ему приятно. Об этом вспоминает Ю. Казаков. Среди родственников Паустовского было много людей, наделённых сильным воображением, чувством красоты природы, подспудным поэтическим даром. Интересы будущего писателя определились уже в Киевской гимназии. Среди питомцев гимназии были М. Булгаков, А. Вертинский, Б. Лятошинский. Молодой Паустовский пользовался любым предлогом, чтобы браться за перо. По природе своей совсем не угрюмый, всегда готовый мгновенно отозваться на острое словцо, шутку, радующийся общению, он не мог таить в себе то, что его переполняло. Но как ему было это реализовать, когда природа наделила его застенчивостью и деликатностью, а кругом не было ни души, которая проявила бы охоту дослушать его до конца? Уже будучи признанным мастером, он с горечью говорил о том, что "искренне верил всему, что выдумывал. Это свойство стало причиной многих моих несчастий". Но это свойство, доставшееся ему от отца в наследство, побуждало его к творчеству. Раз нет никого, кто разделил бы твои думы, мечты, остаётся одно - доверить их бумаге. Он записывает самое значительное из того, чем живёт. Мысленно он переносится в воображаемые обстоятельства, такие непохожие на те унылые дни, в которых живёт. Участь его решена. Не напечатав ни строчки, он уже стал писателем.

О своём последнем лете детства К. Г. замечательно пишет в первой книге автобиографической повести о жизни, книге «Далёкие годы»: "Это было последнее лето моего настоящего детства. Потом началась гимназия. Семья наша распалась. Я рано остался один и в последних классах гимназии уже сам зарабатывал на жизнь и чувствовал себя совершенно взрослым…

Детство кончалось. Очень жаль, что всю прелесть детства мы начинаем понимать, когда делаемся взрослыми. В детстве всё было другим. Светлыми и чистыми глазами смотрели мы на мир, и всё нам казалось гораздо более ярким. Ярче было

солнце, сильнее пахла трава. И шире было человеческое сердце, острее горе и в тысячу раз загадочнее была земля - самое великолепное, что нам дано для жизни. Её мы должны возделывать, беречь и охранять всеми силами своего существа".

В последние гимназические годы Паустовский начал писать стихи. Они, конечно, подражательны, таинственно туманны, но уже в них есть свежие эпитеты, интерес к слову. Написав ворох стихов, которые его не удовлетворяли, К.Г. почувствовал искушение попытать свои силы в прозе. "В последнем классе гимназии, - вспоминает он, - я написал первый рассказ и напечатал его в киевском литературном журнале "Огни". Это было в 1911 году.

Так как журнал был левый, то редактор посоветовал подписать его псевдонимом - К. Балагин. Через год в журнале "Рыцарь" был напечатан рассказ Паустовского "Четверо".

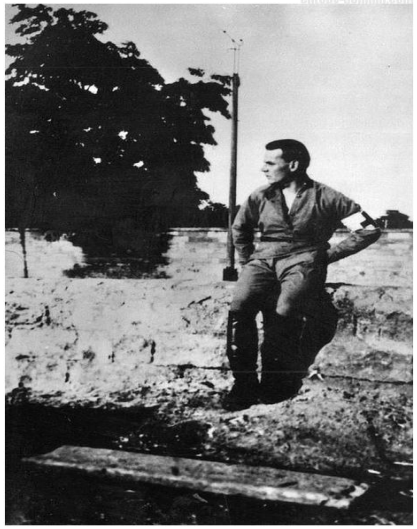
В 1911 году Паустовский поступает в Киевский университет, затем переходит в Московский университет,

закончить который ему не удалось из-за начавшейся войны.

Он становится вожатым и кондуктором московского трамвая, ежедневно становится свидетелем забот и судеб разнообразных людей. Освобождённый от воинской повинности по зрению и как младший сын в семье, он употребил всю энергию, чтобы попасть на фронт. Но пробыв 3 месяца на фронте, от его романтических представлений о войне не остаётся и следа. Написав несколько очерков о войне, он вновь с головой уходит в написание стихов.

Шло время, и Паустовский решил показать кому-нибудь свои стихи. Выбор остановил на Бунине. Бунин нашёл время и, прочтя стихи молодого автора, заметив, что "в стихах Вы поёте с чужого голоса", посоветовал автору перейти на прозу. Этому совету Паустовский сразу и навсегда последовал.

Годы первой мировой войны сыграли большую роль в формировании его взглядов на жизнь. Вот что пишет он об этом во второй автобиографической книге "Беспокойная юность": "Без чувства своей страны - особенной, очень дорогой и милой в каждой её мелочи - нет настоящего человеческого характера. В те годы, во время моей службы на санитарном поезде, я впервые ощутил себя русским до последней прожилки".



В годы гражданской войны он участвовал в боях с петлюровскими бандами, после - плавал матросом, потом стал журналистом, сотрудничал в газетах Москвы, Батуми, Одессы. Какие только газетные специальности он не перебрал! Репортёр, разъездной корреспондент, очеркист, правщик. В 20-е годы в Одессе сотрудничал в маленькой газете "Моряк".

Газета была форматом со страницу альбома. Когда не хватало газетной бумаги, её выпускали на обёрточной бумаге чайных бандеролей разного цвета, иногда на синей, иногда на розовой. В то время в Одессе начинали свою литературную работу Катаев, Багрицкий, Олеша. Не было денег - и сотрудники редакции получали "гонорар" натурой: кривыми

перламутровыми пуговицами, твёрдой, как булыжник, синькой, заплесневевшим кубанским табаком, обмотками из вельвета. Но они не тужили, редакция была их родным домом, местом, где не умолкают споры и разгорается вдохновение. Газета привлекла к себе писателей и поэтов, которые через несколько лет составили славу нашей литературы.

Одним из них был Бабель. Паустовский говорит о нём с любовью, старается не пропустить ни одной чёрточки. Бабель дорог ему как автор образцовой прозы и как человек, чьей дружбой гордился каждый, кто его знал. Он трагически погиб в 1944 году. Выросло поколение, не слыхавшее о Бабеле. И вот после долгих лет молчания Паустовский первый заговорил о нём во весь голос.

В 1923 году, когда П. перебрался в Москву, ставшую с тех пор местом его постоянного жительства, откуда уже, как из дома он совершал свои странствия и поездки, и поступил на службу в РОСТА (предшественник ТАСС), он был уже зрелым и опытным журналистом.

К этому времени он остался совсем один. Когда он учился в последнем классе гимназии, умер его отец. Этим начинается книга «Далёкие годы».

В первую мировую войну из газеты он узнал, что в один день на разных фронтах погибли оба его брата. В Киеве от воспаления лёгких умерла его мама, а через неделю и сестра.

В 6-ой автобиографической повести, которая называется "Книга скитаний", великолепно описано это время, когда молодой Паустовский начал сотрудничать в газете "Гудок". В этой транспортной газете в те годы совершенно по-особому делалась 4-ая страница. Она составлялась из коротких фельетонов, сатирических стихотворений, острых реплик.

Над одним из столов висел плакат: "Пусть статья говорит за автора, а не автор за статью". Под плакатом трудились два литсотрудника, о которых рассказывали, что когда все уходят из редакции, они остаются и пишут роман. Это были тогда

ещё никому не известные Ильф и Петров. Здесь Паустовский продолжил свой журналистский университет.

Дом Паустовского в Одессе

Первая книга К.Г. - "Морские наброски" - вышла в свет в 1925 году, в неё вошли ранее написанные очерки и рассказы. Она вышла в издательстве водников и не обратила на себя внимания. Следующая книга "Минетоза" вышла в 1927 году. Она была замечена. Появились уничтожительные рецензии. "Романтик, оторванный от жизни, пытающийся забыться во сне" - так назвали Паустовского.

Самым характерным из ранних произведений Паустовского считается рассказ "Белые облака", который по манере письма и по характеру близок творчеству Грина. Вокруг творчества Грина стоял тогда густой туман. В одно пасмурное утро читатели узнали, что нет более смертельной опасности у нашей литературы, чем творчество "русского иностранца" - Александра Грина. Его обвиняли в космополитизме, говорили, что он воспользовался для псевдонима первым слогом своей настоящей фамилии, т.к. хотел скрыть своё славянское происхождение, чтобы походить на западных писателей. В 1949 году высказывалась мысль, что

нашей литературе угрожает культ… Грина!

Десять лет спустя Паустовский написал статью о Грине. "Грин был писателем большого, упрямого, но не развёрнутого даже в десятой доле таланта". Он один из первых сказал истинные слова о Грине, сказав, что такие писатели как Грин, нужны нашим читателям. Не побоялся сказать громким голосом. И впредь Паустовский всегда будет говорить своё слово о забытых и непризнанных талантах.

Первой попыткой создать крупное произведение была повесть "Романтики". Ещё в 1916 году в Таганроге Паустовский написал первые страницы большой вещи, в которую ему хотелось бы вложить свои наблюдения над жизнью и свои мысли об искусстве, о трудном, но благородном призвании писателя. Переезжая с места на место, он возил её с собой - в Москву, в Ефремов, в Батуми, писал новые страницы. Опубликована она была только в 1935 году, когда Паустовский был уже признанным автором "Кара-Бугаза" и "Колхиды". Многое из "Романтиков" вошло через 20 лет в автобиографическую "Повесть о жизни".

В 30-е годы в одно пятилетие вышли 3 новые книги Паустовского: "Кара-Бугаз" в 1932 году, "Колхида" - в 1934, "Чёрное море" в 1936 году. Во всех этих книгах есть сходство: определилась тема, на долгие годы ставшая главной: познание и преобразование родной страны. За короткий срок книги были переведены на языки народов СССР и мира. Их высоко оценили Горький, Ромен Роллан. Самая спорная и сложная из трёх книг - "Чёрное море", изданная для детей, но в большей степени рассчитанная на взрослых.

С детских лет море для Паустовского было окружено романтическим ореолом. Встреча с морем не охладила его восторга. На всю жизнь врезался ему в память счастливый день, когда он впервые увидел Чёрное море, с тех пор он навсегда "заболел" им. Его не оставляло желание написать книгу, где море было бы героем, а не фоном.

"Свою книгу о Чёрном море я задумал как художественную

лоцию,как своего рода художественную энциклопедию этого моря". На страницах повести возникают образы лейтенанта Шмидта, писателя Гарта (Грина), партизан в керченских каменоломнях. Но главным действующим лицом остаётся море.

Если у Паустовского время от времени вырываются горькие слова по адресу критики, то на это у него имеется много оснований. Он был уже известным писателем, его книгами зачитывались эти же критики, а некоторые из них твердили о его заблуждениях и ошибках.

Критики не отказывают Паустовскому в таланте, лишь сожалеют, что этот талант ложно направлен. Вот если бы талантливый Паустовский писал как другие… Но идут годы, а Паустовский остаётся глухим к их советам. Романтик остаётся романтиком, самим собой. Недаром в анкете, о которой мы будем говорить дальше, Паустовский на вопрос "какое качество Вы больше всего цените в писателе?", сказал: "верность себе и дерзость". Над творческим упрямством писателя не мешало бы задуматься, но вместо этого нападки усиливаются. Не этим ли следует объяснить холодный приём, оказанный критикой "Северной повести"?

По "Северной повести" в 1960 году был поставлен на Мосфильме фильм, автором сценария и режиссёром которого является Евгений Андриканис. В моей домашней библиотеке есть книжка Андриканиса "Встречи с Паустовским". Эта книжка о его работе над фильмом, о Паустовском как человеке и писателе, написанная очень взволнованно и сердечно. Таково уж свойство Константина Георгиевича - привязывать к себе хороших людей навсегда.

На первой странице Андриканис рассказывает, как в 1943 году один из бойцов при наступлении наших войск первым прыгнул в фашистский блиндаж и погиб в рукопашной схватке. У него не было ни документов, ни писем. Под шинелью, на груди у солдата нашли лишь небольшую, сильно потрёпанную книгу… Ею оказалась "Северная повесть"

Константина Паустовского. Неизвестного солдата похоронили вместе с его любимым произведением. Вот и ответ критикам!

В конце 30-х годов Паустовский расстаётся с экзотическим югом, где развивались события многих его прежних произведений. Он обращается к внешне неприметной, но пленительной в своей скромной красоте природе средней России. Отныне этот край станет родиной его сердца. Лишь изредка, да и то ненадолго, Паустовский будет покидать этот край. И снова к нему возвращаться. Писать о нём, восхищаться им, прославлять его.

В предисловии к собранию сочинений К. Г. писал: "Самым плодотворным и счастливым для меня оказалось знакомство с со средней полосой России… Самое большое, простое и бесхитростное счастье я нашёл в лесном Мещерском краю. Счастье близости к своей земле, сосредоточенности и внутренней свободы, любимых дум и напряжённого труда. Средней России - и только ей - я обязан большинством написанных мною вещей".

Первая книга Паустовского о среднерусской природе - небольшая по размеру повесть "Мещерская сторона" - вышла в 1939 году. "Мещерская сторона" написана удивительно просто. В повести нет обычного сюжета. Повествование идёт от лица рассказчика, через его восприятие. В центре внимания Мещерский край; человек, герой, становится "фоном", а пейзаж, испокон веков служивший фоном, выходит в герои! Небольшая эта книга начинается главой "Обыкновенная земля", а глава эта открывается фразой: "В Мещерском крае нет никаких особенных красот и богатств, кроме лесов, лугов и прозрачного воздуха…" Казалось бы, что писателю романтического склада и делать нечего в этих скромных краях. Все остальные страницы книги опровергают это предположение. В русской литературе немало описаний природы Центральной России. Пейзажи, описанные в "Мещерской стороне", выдерживают нелёгкое сравнение с классическими образцами: "Путь в лесах – это километры тишины и безветрия. Это грибная прель, осторожное перепархивание птиц. Это липкие маслюки, облепленные хвоей, жёсткая трава, холодные белые грибы, земляника, лиловые колокольчики на полянах, дрожь осиновых листьев, торжественный свет и, наконец, лесные сумерки, когда из мхов тянет сыростью и в траве горят светляки".

Критика высоко оценила "Мещерскую сторону". Его назвали "лучшим пейзажистом в современной литературе". Роскин писал: "Многие произведения Паустовского - произведения живописи. Их можно было бы вешать на стену, если бы только для подобных картин существовали рамы и гвозди".

Во время Великой Отечественной войны Константин Георгиевич отправился военным корреспондентом на фронт и прошёл с армией тяжёлый путь отступления. Был на южном фронте в Бессарабии, Одессе, на Дунае. Печатал очерки и рассказы. На фронте заболел, вернулся в Москву, а затем

уехал в Алма-Ату, куда были эвакуированы все киноорганизации, написал там большой антифашистский сценарий, над которым много работал. На экраны этот фильм так и не вышел. С кино К.Г. не везло, начиная с неудачных экранизаций "Кара-Бугаза" и "Колхиды".

Критика жестоко расправилась с прекрасными военными рассказами К.Г., в частности с рассказом "Снег", обвинив его в сентиментальности, неправдивости, дурном сюжете. Обвинили даже витые свечи из этого рассказа. А рассказ великолепен!

Но вот что интересно - эти же критики недоумевали, почему в военные годы произведения Паустовского, его рассказы, завоевали особенную популярность, как никогда раньше. Это было известно от многих библиотекарей в разных городах страны. Наверное, это произошло потому, что в годы войны необыкновенно обострилась любовь к своей стране, это заставляло по-новому перечитать произведения, ей посвящённые.

"Повесть о лесах", написанная в 1948 году, непосредственно продолжает линию творчества, начатую перед войной рассказами о Центральной России. В ней тема прекрасной природы слита с темой хозяйственного использования леса. Начиная с первой главы, где показан П.И.Чайковский за работой, с большим лиризмом показано, как сливается в душе человека представление о родной природе с представлением о родине, о судьбе народа.

Восстановление уничтоженных войной лесов - тема последних глав повести. Леса в повести существуют не только

как защита полей, рек, не только как источник сырья, но, прежде всего, как поэтический образ России.

"Повесть о жизни" была задумана давно, а первая её книга - "Далёкие годы" - вышла в 1946 году. Встречена была холодно, автору был предъявлен длинный список претензий. Возможно, такой холодный приём сыграл свою роль в том, что Константин Георгиевич долго не брался за продолжение: лишь через 9 лет вышла в свет вторая книга автобиографической повести - "Беспокойная юность", а в 1957 году третья - "Начало неведомого века". Последующие 3 книги были написаны: в 1958 - "Время больших ожиданий", в 1959-1960 г.г. - "Бросок на юг", в 1963 году "Книга скитаний". Написав "Книгу скитаний", Паустовский не считал цикл законченным. Он собирался довести повествование до 50-х годов. И не он сам, а смерть поставила точку в этой работе. Седьмую книгу К.Г. хотел назвать "Ладони на земле". Теперь приезжая в Тарусу, где он нашёл своё успокоение, мы всегда кладём ладони на его холмик.

Всё, что передумал и перечувствовал как писатель и человек, он вложил в свою автобиографическую книгу, оттого она так богата содержанием.

В 1947 году Паустовский получил письмо. На конверте стоял парижский штемпель: "Дорогой собрат, я прочитал Ваш рассказ "Корчма на Брагинке" и хочу сказать о той редкой радости, которую испытал я: он принадлежит к наилучшим рассказам русской литературы. Привет, всего доброго. Ив. Бунин. 15.09.47".

"Корчма на Брагинке" - одна из глав первой книги автобиографической повести - ещё до выхода в свет всей книги была напечатана в журнале "Вокруг света", журнал дошёл до Парижа, попался на глаза Бунину, который незамедлительно отозвался добрым словом. А известно, что тончайший стилист, мастер чеканной прозы, Бунин был очень скуп на похвалы.

Паустовский – новеллист

Одна из лучших лирических новелл Паустовского - "Корзина с еловыми шишками". В 50- годы, когда я была школьницей, её очень часто передавали по радио.

В день своего совершеннолетия 18-летняя Дагни получает подарок Грига - музыкальную пьесу, посвящённую ей с тем, чтобы она, вступая в жизнь, шла рядом с прекрасным, чтобы помнила, что человек счастлив лишь тогда, когда отдаёт людям свой талант, всю свою жизнь. Эта новелла радостна и чиста, как и музыка Эдварда Грига. Сколько таких Дагни воспитал Паустовский в те далёкие годы своим рассказом!

Каждый год в день рождения Паустовского 31 мая на его могиле появляется корзина с еловыми шишками…

Паустовский прежде всего новеллист. Он пришёл в литературу с рассказом, этому жанру он остался верен на протяжении более чем 50 лет литературного пути. Даже крупные его вещи имеют новеллистическую природу. Большинство рассказов зрелого Паустовского написано без всяких ухищрений. Они небогаты происшествиями, чаще повествование ведёт автор - рассказчик или внутренне близкий ему человек. Иногда это новеллы, действие которых развёртывается в других странах и другие эпохи - "Старый повар", "Равнина под снегом", "Корзина с еловыми шишками", "Ручьи, где плещется форель".

Замечательны рассказы Паустовского "Снег", "Телеграмма", "Дождливый рассвет". Читаешь эти простые рассказы, а волнение сдавливает горло, на душе становится грустно той особой грустью, о которой так хорошо сказал Пушкин: "печаль моя светла".

Александр Бек в воспоминаниях о Паустовском приводит следующую запись: "Вечер проводов "доктора Пауста" (такое прозвание ему дал Казакевич).

Устная анкета.

- Константин Георгиевич, какое качество в человеке вы больше всего цените?

- Деликатность.

- То же о писателе?

- Верность себе и дерзость.

- Какое качество находите самым отвратительным?

- Индюк (это одно из выражений К.Г. о тех, кто чванлив и глуп, как индюк).

- А у писателя?

- Подлость. Торговля своим талантом.

- Какой недостаток считаете простительным?

- Чрезмерное воображение.

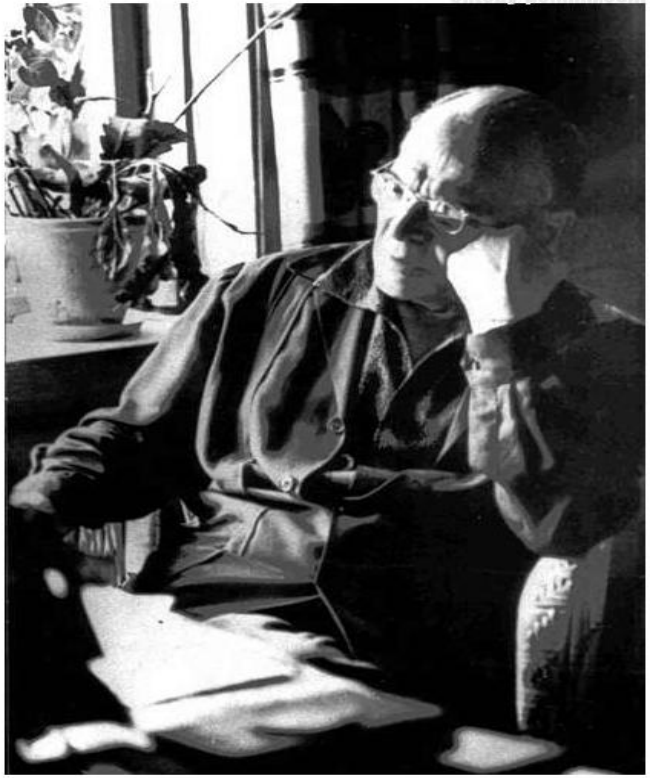
- Напутствие – афоризм молодому писателю?

- «Останься прост, беседуя с царями. Останься честен, говоря с толпой».

Каким был Константин Георгиевич в жизни?

Таким, как в своих книгах. Паустовский-человек удивительно соответствовал Паустовскому-писателю. Об этом хорошо вспоминает Ю.Казаков. "Трудно было себе представить более деликатного человека в жизни, чем К.Г. Смеялся он прелестно, застенчиво, глуховато, возле глаз сразу собирались веера морщинок, глаза блестели, всё лицо преображалось, на минуту уходили из него усталость и боль.

Он почти не говорил о своих болезнях, а жизнь его в старости была мучительной: инфаркт за инфарктом, постоянно мучившая астма, всё ухудшавшееся зрение".



Все отмечают его невероятную, какую-то врождённую элегантность. Терпеть не мог беспорядка ни в чём. Никогда не садился к письменному столу, тщательно не одевшись. Всегда был подтянут, аккуратен. Никогда не приходилось слышать от него разговора о "тряпках", но одевался не без щегольства.

Жизнерадостность и доброта, скромность, доходящая до святости. Эти черты вспоминает Э. Казакевич. Он говорит, что не встречал человека, который так бы ему нравился, как Паустовский.

"Своё знакомство с К.Г. я считаю одной из величайших удач в своей жизни, - писал К. Чуковский. - Всякая встреча с ним была для меня истинным счастьем…"

Он же, Чуковский, оставил нам лучшие строчки о Паустовском - устном рассказчике: "Сюжет каждого из его устных рассказов всегда был так увлекателен, интонации такие живые, эпитеты такие отточенные, что я невольно жалел тех обделённых судьбою людей, кому не довелось испытать это счастье; слушать устные рассказы Паустовского". Константин Георгиевич никогда не рассказывал одинаково

один и тот же случай, при повторном рассказе этот случай обрастал новыми подробностями, деталями. Но манера чтения была похожа на его почерк - чётко, без нажима, спокойно. Голос монотонный, глуховатый.

Где бы ни появлялись Паустовские (а с 1949 года его женой стала Татьяна Алексеевна Евтеева-Арбузова), будь то домик в Тарусе, тесная квартирка на Котельниках в Москве или номер писательского Дома творчества в Ялте, вместе с первым принесённым чемоданом поселялось особое настроение. Об этом вспоминает А. Баталов. Самым заметным признаком этого особого уклада жизни, который отличал эту семью от других, были цветы и всякие растения. Они стояли повсюду. На прогулках деревья, травы, кусты оказывались его давними знакомыми. Он прекрасно разбирался в них, знал их народные и научные названия. У него было много определителей растений. В Тарусе К.Г. вставал раньше всех, обходил небольшой сад при доме, внимательно наклоняясь к каждому растению. Затем садился работать. А когда просыпались домашние, то первым делом говорил жене: "А ты знаешь, Таня, настурция сегодня расцвела"…

Тарусский литератор И. Я. Бодров рассказывал мне, как поздней осенью К.Г. укрывал на ночь старым плащом цветущий мак, а потом как бы невзначай проводил своих друзей мимо этого алого чуда на фоне пожухлой осенней травы.

"Золотая роза" - так назвал Паустовский книгу о писательском труде.

"Книга эта не является ни теоретическим исследованием, ни тем более руководством. Это просто заметки о моём понимании писательства и моём опыте»". Книга, казалось бы, предназначенная для литераторов, молодых писателей, написана очень интересно и лирично. В ней все размышления писателя, накопившиеся за много лет работы о природе искусства и сущности литературной работы.

Книга открывается легендой о золотой розе. Критики

тотчас выдернули эту легенду из книги. После этой хирургической операции объявили её проповедью украшательства. Золотая роза - это больно уж непривычно, изысканно. Бог с ними, критиками!

Автор "Золотой розы" не устаёт подчёркивать, что литературное дело невозможно без работы, постоянной, терпеливой, каждодневной. Одна из мыслей, которую К.Г. неустанно напоминал своим ученикам, студентам Литературного института, где он 20 лет руководил семинаром прозы, - это мысль о том, что призвание к писательству неотделимо от потребности щедро дарить людям всё, чем человек владеет.

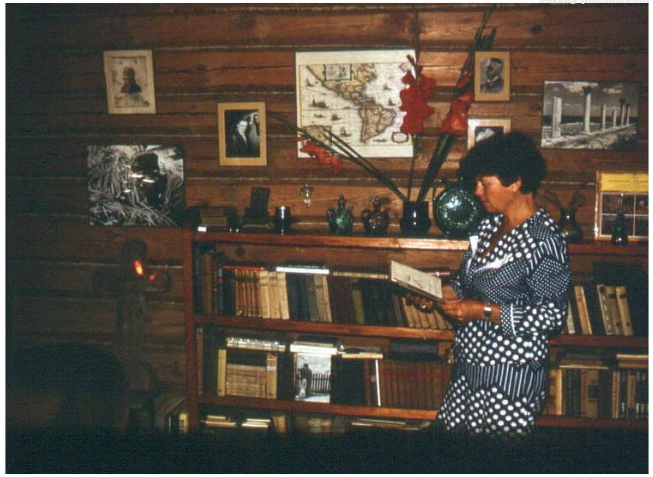
"Голос совести, вера в будущее, - говорил Паустовский, - не позволяют подлинному писателю жить на земле, как пустоцвет, и не передать с полной щедростью всего огромного разнообразия мыслей и чувств, наполняющих его самого".

Таким подлинным писателем был Паустовский. Щедрость составляла одну из самых характерных черт писателя и человека. В своих книгах он воссоздал мир по реальной достоверности такой же, как тот, в котором мы живём, только более красочный и яркий, полный новизны и свежести, словно он возник сию минуту на наших глазах. Мир Паустовского приобщает каждого из нас к бесчисленному множеству мест, таких прославленных, как Париж, и мало кому известных, как Ильинский омут.

Ильинский омут… Это место около Тарусы стало известно благодаря Константину Георгиевичу.

Рассказ с одноимённым названием кончается словами, которые стали хрестоматийными: "Нет, человеку никак нельзя жить без родины, как нельзя жить без сердца!"

В Тарусе К. Г. жил с 1954 года, в 1955 году было приобретено полдомика на крутом берегу Таруски, потом к нему были сделаны пристройки.



К.Г. любил гулять по Тарусской дороге. Вся Тарусская дорога около 10 км., она уходит в историю, в глубь времён. Когда-то по ней на Куликовскую битву шла Тарусская дружина. Начинается она от Ильинского омута, идёт по берегу Таруски мимо дома Паустовского, дальше по берегу Оки через «Песочное», где был дом Цветаевых, затем по Цветаевскому лугу.

В 1962 году в Тарусу, чтобы повидаться с Паустовским приехал Назым Хикмет. Он очень любил его, называл любимым учителем, великим маэстро. Назым Хикмет не застал К.Г. дома, т.к. Паустовский был в больнице, у него начинался 1-ый инфаркт. Хикмет посидел перед его домом, посмотрел на всю эту природу, которую так любил К.Г., погулял по Тарусской дороге, и ему показалось, что дорога эта - рукопись Паустовского. И он сочинил стихи. Многие потом пытались перевести их на русский язык, но ничего не вышло. Вот они в подстрочном переводе нерифмованные:

Взяв меня от меня, уводит туда,
По ту сторону в май дорога Тарусская.
За её берёзами то, что я искал и нашёл
И то, чего не мог найти..
Облака плывут по воде,
За ветки цепляются,
Что мне сделать, чтобы счастье моё
Не уплыло с этими облаками?
Видел дом Паустовского.
Дом хорошего человека.
Дома хороших людей напоминают
Все месяцы мои. В том числе мои Стамбула.
Мы вернёмся к асфальту.
И следы наших ног останутся на траве.
Удастся ли мне пройти по этой
Тарусской дороге ещё в каком-нибудь мае?
Мастера не было дома. Он в Москве,
Он лежит, у него боли в сердце…
Почему у хороших людей боли в сердце так часто?
Дорога Тарусская - это рукопись Паустовского.
Дорога Тарусская на наших любимых женщин очень похожа.
На этой старой русской земле -
Солнце - вятский павлин.

Хочется рассказать ещё один случай, приведённый журналистом Лессом в его "Невыдуманной новелле": "На гастроли в Москву приехала Марлен Дитрих (американская киноактриса), и дирекция Центрального дома литераторов обратилась с просьбой к актрисе дать концерт для писателей.

- Для писателей? - переспросила она. - А Паустовский будет на концерте?.. Правда, я не знакома с ним, но очень люблю его книги.

Представитель дирекции, несколько озадаченный "условием", поставленным Марлен Дитрих, сказал: - Константин Георгиевич сейчас чувствует себя не совсем здоровым…Но я непременно сообщу ему о нашем разговоре…

В этот вечер случилось событие, глубоко тронувшее прославленную актрису. Концерт окончился, и Марлен Дитрих, утомлённая и взволнованная, собиралась уже покинуть эстраду, как вдруг из-за кулис вышел Леонид Ленч. Он поблагодарил актрису от имени московских писателей и вручил подарок - несколько книг Паустовского с дарственными надписями.

Аплодисменты вспыхнули с новой силой, и в эту минуту по узкой боковой лесенке, ведущей из зрительного зала, на сцену медленно, тяжело дыша, поднялся сам Паустовский. По нездоровью он не надеялся, что сможет послушать Марлен Дитрих, и поэтому прислал книги. Но в последнюю минуту решил всё же приехать на концерт. Его появления никто не ждал, и меньше всего, конечно, Марлен Дитрих. Константин Георгиевич, неумело и стеснительно державшийся на эстраде, в свете прожекторов, перед бурно аплодирующим залом, пытался сказать актрисе слова благодарности, но Марлен Дитрих, лёгкая, эффектная в своём сверкающем платье, первая приблизилась к старому писателю. Она прошептала: "О, спасибо... Большое спасибо!.." Затем медленно опустилась перед ним на колени и, взяв его руки, почтительно поцеловала их."

Умер Константин Георгиевич 14 июля 1968 года в Москве. Хоронили его в Тарусе. Звучала "Аве Мария". Таруса любила его, и он любил маленькую цветаевскую Тарусу.

Но сначала с ним прощалась Москва. Это были народные похороны, народное прощание с добрым и любимым писателем. Улица Герцена, все близкие переулки были запружены народом.

На гражданской панихиде говорить от писателей предоставили Виктору Шкловскому. Он вышел, и что было сил закричал: - Не надо плакать!.. И первый заплакал. Об этом вспоминает Эмилий Миндлин.

Миндлин с Мариэттой Шагинян поехали в Тарусу. За 2-3 километра от городка по обеим сторонам немощёной дороги стояли люди с венками, цветами, сосновыми веточками в руках. Это город Таруса вышел на шоссе встречать своего почётного гражданина. Город дожидался своего Паустовского. Траурные флаги висели на домах, над калитками.

Похороны состоялись на крутом берегу над рекой Таруской на Авлуковском холме под большим дубом. Миндлин вспоминает как молча ехали обратно: "Ливень грянул внезапно, словно небо прорвало. Широкие водяные

струи заливали смотровое стекло. Машина пошла, передвигаясь почти на ощупь, потом мы остановились. В неосвещённой машине царило молчание. Шофёр равнодушно сидел, заломив руки за голову. Шагинян почти беззвучно вздыхала, вздрагивала при каждом разряде молнии. Мне бы только не прерывалось молчание в нашей машине. Только бы сидеть и молчать наедине со своими думами. Свыкнуться с тем, что нет Паустовского, нет его не только в моей жизни, но нет его в жизни нашей литературы и даже больше, чем литературы. Нет больше в жизни нашего общества писателя, человека, который тем и был славен, что был добр и что было с ним современникам хорошо.

Но вот и гроза окончилась. Шофёр взялся за руль. Въехали в Москву уже в середине ночи. На прощание Шагинян только и сказала, продолжая свои мысли: - А всё-таки жить было легче, когда жил Паустовский!

Миндлин вспоминает, что почти эти же слова писали они в телеграмме, посланной Короленко - в разгар гражданской войны Россия вспомнила о его 60-летии. Мы писали ему, что легче жить, когда живёт Короленко. Его называли совестью русской литературы.

А ведь и Паустовский был нашей совестью. Как человек - совестью в не меньшей степени, чем писатель.

МОСКОВСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ МУЗЕЙ-ЦЕНТР К.Г. ПАУСТОВСКОГО

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

22 ноября 1975 года по инициативе Квитко Зои Всеволодовны - учителя литературы школы № 456 Волгоградского района г. Москвы, Богомоловой Татьяны Германовны, сотрудника Министерства черной металлургии, и Комарова Ильи Ильича, военного инженера, был открыт общественный "Музей К. Г. Паустовского".

Основатель школьного музея К. Г. Паустовского З.В. Квитко, учитель литературы школы № 456, г. Москвы

Первая экспозиция общественного "Музея К.Г. Паустовского" с 1975 г. по 1986 г. размещалась в помещении клуба "Спутник-2" при Московском автокомбинате № 10 (Яснополянская ул., д. 3).

Открытие школьного музея К.Г. Паустовского 22.11.1978

В 1984 году Общественный "Музей К.Г. Паустовского" получил почетное звание Народный музей.

Экспонаты для первой экспозиции собирались учениками школы № 456 г. Москвы, членами литературно-драматического кружка, в многочисленных экспедициях по местам, связанным с жизнью и творчеством писателя (Солотча, Севастополь, Одесса, Ленинград, Киев, Таруса, Рязань, Москва, Московская обл.).

В рамках деятельности клуба "Золотая роза" (руководитель Комаров И. И.) в музее проводились литературные вечера, ежегодно отмечались День рождения (31 мая) и День памяти (14 июля) писателя. Большое участие в работе общественного музея принимали В. Паустовский, Т. Арбузова, Г. Арбузова, В. Железников, А. Баталов, Б. Окуджава, А. Борщаговский, Р. Достян, М. Алигер и многие другие деятели литературы и искусства.

С 1987 г. музей размещается в памятнике деревянной архитектуры XVIII века, относящемся к усадьбе князей Голицыных "Влахернское-Кузьминки", в "Доме садовника" ("Серой даче").

В.К. Паустовский (сын писателя) на открытии народного музея К.Г. Паустовского в Серой даче 31 мая 1987 г.

В 1991 г. музей меняет учредителей и принимает Устав литературного музея-центра К. Г. Паустовского.

Илья Ильич Комаров - первый директор литературного музея-центра К. Г. Паустовского

После обращения к Правительству г. Москвы ряда писателей и деятелей культуры, в число которых входили Б. Окуджава, А. .Баталов, Ю. Черниченко, Б. Балтер и др., Постановлением Правительства Москвы от 16.11.1993 г. № 1046 литературный музей-центр был реорганизован в Московский литературный музей-центр К.Г. Паустовского и перешел в ведение Комитета по культуре г. Москвы (с 2007 года - Департамента культуры г. Москвы) как государственное учреждение культуры.

В 1992 г. по просьбе Комиссии СССР по делам ЮНЕСКО общественный Литературный Музей-центр принял участие в работе Национального оргкомитета по проведению юбилейных торжеств, посвященных празднованию 100-летия

со дня рождения К.Г. Паустовского, включенного решением Исполнительного Совета ООН по вопросам образования, науки и культуры в Календарь юбилейных дат выдающихся деятелей и знаменательных событий ЮНЕСКО на 1992-1993 гг.

С 1992 г. музей издает культурно-просветительский журнал "Мир Паустовского". В музее проводится постоянная работа по пополнению и научной систематизации фондовой коллекции, изучению жизни и литературного наследия писателя, систематически проводятся научные конференции в Москве и в местах, связанных с творческой биографией К.Г. Паустовского (Санкт-Петербург, Рязань, Пилипча, Одесса). Значительная часть деятельности музея посвящена сохранению памяти о писателе и популяризации его творчества в России и за рубежом. Для детей и взрослых сотрудниками музея разработана культурно-образовательная программа, в рамках которой проводятся тематические экскурсии, лекции и литературно-музыкальные вечера.

КОЛЛЕКЦИЯ МУЗЕЯ

"Человек, любящий и умеющий читать, - счастливый человек.
Он окружен множеством умных, добрых и верных друзей.
Друзья эти - книги".

К.Г. Паустовский

Фондовая коллекция музея насчитывает 17 000 предметов. В коллекции собраны материалы о жизни и творчестве К. Г. Паустовского, его окружении и близких, о времени, в которое он жил и работал (1892-1968 гг.).

Все собранные материалы и предметы представлены в следующих фондовых коллекциях:

- вещевой фонд, в котором хранятся личные вещи К. Г. Паустовского и его семьи, а также предметы эпохи Первой и Второй мировых войн, революций и гражданской войны в России;
- документальный фонд представлен рукописями, дневниками, письмами, документами, как самого писателя, так и его родных, людей из окружения, учеников, исследователей творчества К. Г. Паустовского;
- книжный фонд (издания произведений писателя, журналы и газеты, книги на иностранных языках, фонд редкой книги);
- фонд ИЗО, в котором собраны работы художников-иллюстраторов книг писателя, работы жены писателя Е.С. Загорской, его сына Вадима Паустовского, художников 20-40-х гг. XX века и современных художников; фонд кино-, фото-, фонодокументов (записи голоса писателя, фильмы с его участием, экранизации его произведений, пластинки; фотографии и негативы - изображения писателя, людей из его окружения, мест, связанных с жизнью и творчеством К. Г. Паустовского).

В музее работает библиотека, где хранятся издания произведений К.Г. Паустовского, литературоведческая и краеведческая литература, периодические издания. Научный архив музея собирает и систематизирует документы, связанные с историей и деятельностью музея с момента его основания до настоящего момента.

ЭКСПОЗИЦИЯ

"Здесь обрела свое пристанище, бродит, грустит, радуется душа Паустовского: этого нельзя не увидеть, не почувствовать".

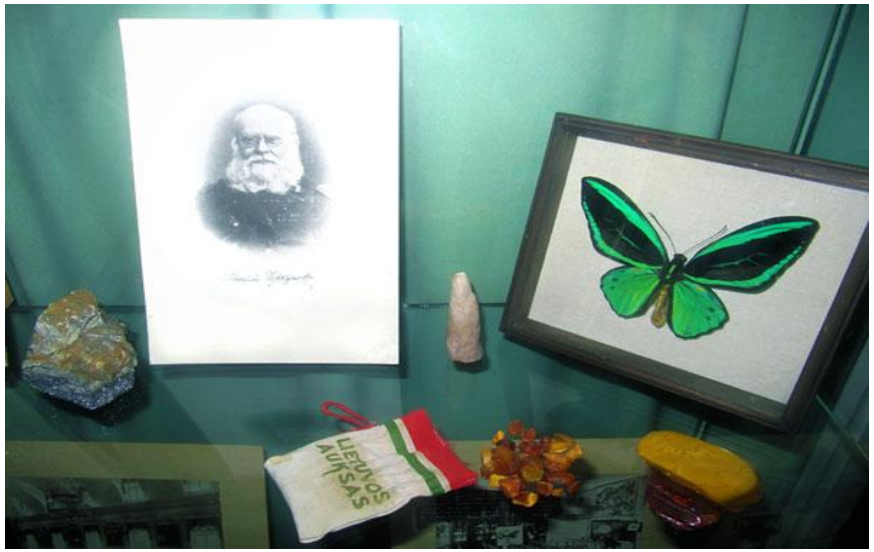
Борис Чичибабин о Московском литературном музее-центре К.Г. Паустовского / Слово о любимом писателе // Мир Паустовского.- 1992.- № 1.

Первый зал

"...Надо всё пройти, всё выдержать для того, чтобы создать себя..."

К.Г. Паустовский

Экспозиция первого зала рассказывает о становлении личности К.Г. Паустовского и охватывает период с 1892 г. по 1919 г. Здесь представлены материалы, связанные с родословной будущего писателя, детскими и юношескими годами, первыми литературными опытами. Тяжелые годы Первой Мировой войны и Революции оказываются для Паустовского временем творческого самоопределения.



Второй "Морской" зал

"Было время веселья и голода, время молодости республики и незатихающих над горизонтом гроз".

К.Г. Паустовский

Второй зал экспозиции посвящен периоду жизни и творчества К. Паустовского, связанному с Чёрным морем, Крымом, Кавказом, Одессой и Севастополем. Это время романтических настроений, странствий, журналистской работы и поиска своего особенного авторского голоса. Итогом скитаний и переживаний тех лет стали книги молодого писателя с "морской" тематикой, сборник "Встречные корабли" он назовет своей первой "настоящей книгой".

Третий зал

"Писательство - не ремесло и не занятие.
Писательство - призвание"

К.Г. Паустовский

Ливны. Дом Бондаревых
А. Кириленко

Третий зал освещает журналистскую и писательскую деятельность К.Г. Паустовского середины 20-х - начала 30-х годов - время становления его как профессионального писателя. В этот период им были созданы произведения - "Колхида", "Кара-Бугаз" и др., принесшие ему широкую известность. К середине 30-х годов К.Г. Паустовский - сложившийся писатель, со своей темой в литературе, со своим стилем, своим отношением к миру.

Четвертый "Мещёрский" зал

"Самое большое, простое и бесхитростное счастье я нашёл в лесном Мещерском краю. Счастье близости к своей земле, сосредоточенности и внутренней свободы, любимых дум и напряжённого труда"

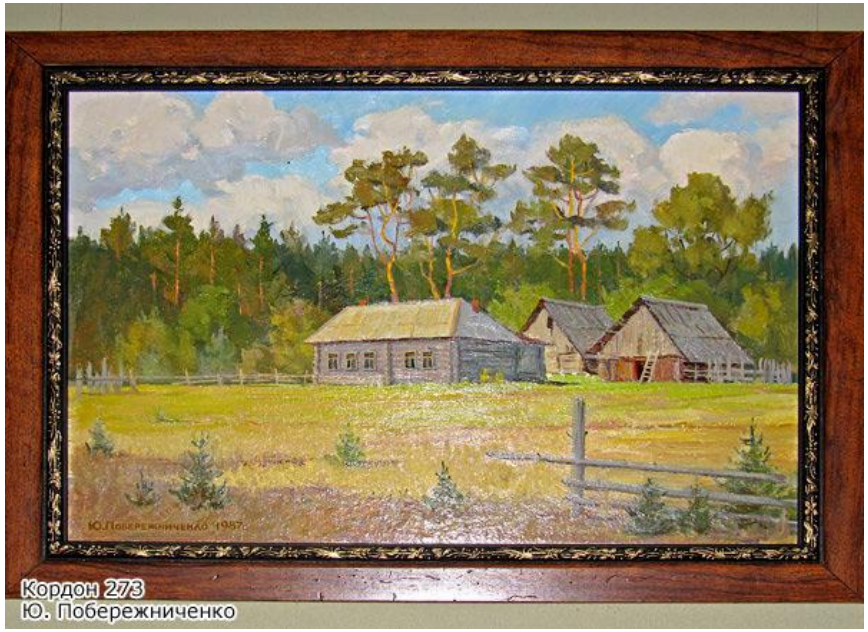
К.Г. Паустовский

Четвертый зал экспозиции - "Мещерский" - отражает жизнь и творчество К.Г. Паустовского в 30-е - 50-е годы. Это время связано с частым пребыванием его в Рязанском крае, в Солотче, где им были созданы многочисленные произведения, вошедшие в детское чтение, в том числе и хрестоматийная повесть "Мещерская сторона". Паустовский проявляет себя как драматург и сценарист, долгое время преподает в Литературном институте.

Пятый "Таруский" зал

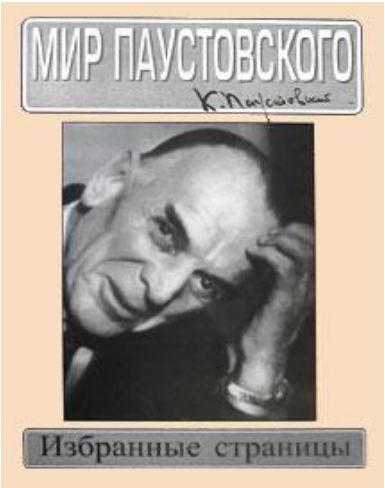
"Наше творчество предназначается для того, чтобы красота земли, призыв к борьбе за счастье, радость и свободу, широта человеческого сердца и сила разума преобладали над тьмой и сверкали, как незаходящее солнце"

К.Г. Паустовский



Заключительный зал экспозиции посвящен последним годам жизни, творчества и общественной деятельности К.Г. Паустовского. В этот период писателем были созданы произведения, ставшие вершиной его творчества. Это книга о писательском труде "Золотая роза", уникальная своей необычной художественной формой, и "Повесть о жизни", номинированная в 1965 году на Нобелевскую премию.

Журнал "Мир Паустовского"



Культурно-просветительский журнал "Мир Паустовского" издается с 1992 г. Учредитель журнала - Московский литературный музей-центр К.Г. Паустовского.

Журнал задумывался как специализированное издание о К. Г. Паустовском и его творческом "мире, в котором живут, любят, страдают и радуются герои его повествований" (Н. Шварц, главный редактор I-го номера журнала "Мир Паустовского").

Мир Паустовского широк, многокрасочен, неисчерпаем. Каждое новое поколение читателей находит в нем нечто близкое и дорогое для себя. Константин Георгиевич утверждал, что был бы счастлив, если бы его проза добавила людям чуть-чуть зоркости. Вот этой "добавленной зоркостью" и живет журнал, рассказывая о писателе и его книгах. Основу каждого номера составляет определенная тема, которую дополняют новости из жизни музея-центра и региональных музеев К. Г. Паустовского и центров по сохранению и изучению наследия писателя в России и за рубежом.

Литература о жизни и творческом наследии К.Г. Паустовского:

1. К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 2.- М., 2002.- 310 с.- (Комитет по культуре Москвы; Московский лит. музей-центр К.Г. Паустовского).

   В сборник включены научные статьи, эссе ведущих исследователей творчества К.Г. Паустовского из России, Англии, Франции, Швеции, Китая, Германии, Украины, Литвы, Болгарии и других стран.

2. К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 3.- М., 2007.- 570 с.- (Комитет по культуре города Москвы; Московский лит. музей-центр К.Г. Паустовского).

   В сборник включены последние по времени работы ведущих исследователей творчества К.Г. Паустовского - научные статьи, эссе, очерки литературного краеведения, материалы о изучении творчества писателя в школе и ВУЗе.

3. К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 4. Персонажи и герои книг К. Паустовского. Кн. 1.- М., 2007.- 256 с.- (Департамент культуры города Москвы; Московский лит. музей-центр К.Г. Паустовского).

4. Программа Международной научной конференции «Жизнь и литературное наследие К.Г. Паустовского»: (Ин-т мировой литературы АН, 25-26 ноября 1992 г.) // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 2.- М., 2002.- С. 301-304.
5. Программа Международной научной конференции «Жизнь и литературное наследие К.Г. Паустовского»: (Московский литературный музей-центр К.Г. Паустовского, 29-30 мая 1997 г.) // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 2.- М., 2002.- С. 305-308.

6. Программа международной научно-практической конференции «Жизнь и творчество К.Г. Паустовского»: (Центральная районная библиотека, п. Навля Брянской обл., 31.05.2006) // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 3.- М., 2007.- С. 570.

   Содерж.: Ко многовековой истории села Ревны / В.В. Крашенинников; Брянские одноклассники К.Г. Паустовского / Л.Ф. Осипенко; Паустовский и литературные альманахи 20-30-х годов XX века / Е.В. Потупов; Брянский край на страницах «Повести о жизни» Паустовского / В.Б. Базилевская; Таруса в жизни

и творчестве Марины Цветаевой и Константина Паустовского / Л.Н. Козлова; Психологические истоки личности и творчества К.Г. Паустовского в контексте индивидуальной психологии Альфреда Адлера / В.Г. Щеркин.

7. Программа Международной научной конференции «Жизнь и литературное наследие К.Г. Паустовского»: (музей К.Г. Паустовского, с. Пилипча-Городище, 21-25.08.2002) // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 3.- М., 2007.- С. 558-563.

8. Тезисы докладов на VIII Всеукраинской студенческой научной конференции: (Черкасский национальный университет им. Богдана Хмельницкого. 18-19 мая 2006 г.) // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 3.- М., 2007.- С. 564-569.

Содерж.: Ономастика прозы К. Паустовского / М. Ганская, М. Паренюк; Стилистические особенности перевода «Повести о жизни» К. Паустовского на романо-германские языки / Т. Румянцева, А. Гаращенко; Проблема добра и зла в произведениях К. Паустовского / А. Балякина-Лященко, Ю. Фещенко; Стилистические особенности перевода «Повести о жизни» К. Паустовского на польский язык: на основе перевода отрывка из повести «Далекие годы» / М. Чучупака;

Лексика портретных описаний в произведениях К. Паустовского / Е. Балякин.

9. Холмогоров, М. Липовый цвет / Михаил Холмогоров // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 3.- М., 2007.- С. 11-56.

К.Г. Паустовский сумел сохранить репутацию честного, бескомпромиссного художника и человека, пережив самый тяжелый период в отечественной истории - сталинскую диктатуру.

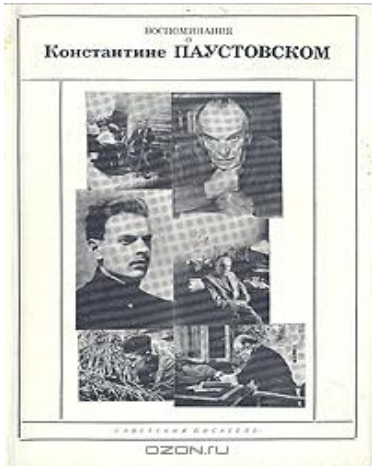
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

10. Антипьев, Н.П. Художественный мир К. Паустовского как плодотворный этап эстетического развития русской литературы / Н.П. Антипьев // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 2.- М., 2002.- С. 53-58.
11. Генри, П. (Англия). «Дорогой собрат…»: Константин Паустовский и Иван Бунин / Питер Генри // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 2.- М., 2002.- С.19-33.

12. Генри, П. (Англия). «Повесть о жизни» К. Паустовского в восприятии англичан / Питер Генри // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 2.- М., 2002.- С. 9-19.

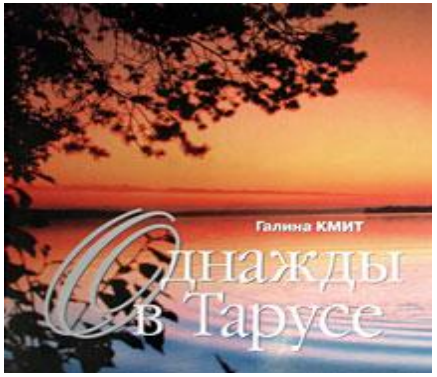
13. Давыдова, М.И. Перечитывая классику: библиотеки и книги в «Повести о жизни» К. Паустовского / М.И. Давыдова // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 2.- М., 2002.- С. 216-220.

Костя Паустовский читал всегда: будучи гимназистом и санитаром, находясь на лечении в госпитале после ранения и в нелегкие месяцы работы на военных заводах. С благодарностью вспоминает о библиотеке Идзиковского в Киеве, городскую библиотеку в Таганроге, частные библиотеки: с юмором описал библиотеку Абраши Флакса- таганрогского жителя, библиотеку московского книголюба и журналиста Щелкунова.



14. Дмитренко, С.Ф. Рассказы К. Паустовского в «Правде» 1930-х годов: текст и контекст / С.Ф. Дмитренко // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 2.- М., 2002.- С. 162-177.
15. Дмитриевский, А.В. (Украина). Техногенная цивилизация и природа: пути согласования и сосуществования: (к позиции К.Г. Паустовского в 30-е годы) / А.В. Дмитриевский // К.Г. Паустовский Материалы и сообщения: сб. Вып. 2.- М., 2002.- С. 240-248.

16. Казак, В. (Германия). Тема смерти у Константина Паустовского / Вольфганг Казак // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 2.- М., 2002.- С. 119-140.
17. Карпеченко, Т.В. Формирование эстетической концепции К.Г. Паустовского в десятые - двадцатые годы / Т.В. Карпеченко // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 2.- М., 2002.- С. 178-194.
18. Корнеева, С.Ф. Отражение взглядов демократической интеллигенции в газетных статьях К.Г. Паустовского в период общественных волнений 1917 года / С.Ф. Корнеева // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 2.- М., 2002.- С. 200-208.
19. Кременцов, Л.П. Животворящее начало: жанр жизнеописания в творчестве К. Паустовского: (из рукописи «Книги о Паустовском») / Л.П. Кременцов // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 2.- М., 2002.- С. 34-52.

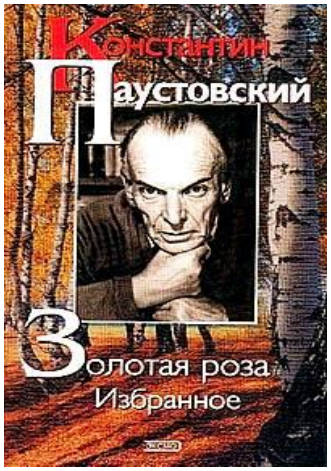


20. Куделько, Н. «Собиратели прекрасных мгновений»: тема искусства в прозе Бориса Зайцева и Константина Паустовского: (из опыта сравнительно-типологического исследования) / Наталья Куделько // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 3.- М., 2007.- С. 80-90.

21. Лехото, Е. Реалистическая сказка К. Паустовского: традиция и новаторство / Елена Лехото // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 3.- М., 2007.- С. 179-184.
22. Магнуссон, Л. (Швеция). Константин Паустовский и Харри Мартинсон - певцы природы: сходства и различия / Леннарт Магнуссон // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 2.- М., 2002.- С. 96-100.
23. Макаев, В.В. Дореволюционная гимназия в воспоминаниях К. Паустовского / В.В. Макаев // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 2.- М., 2002.- С. 209-215.

К. Паустовский учился в первой Киевской гимназии в 10-е годы XX века и в зрелом возрасте часто вспоминал о педагогическом процессе и учителях, о системе поощрения и наказания гимназистов, отразив свои детские впечатления в творчестве.

24. Мацапура, В. (Украина). Образ творца и проблемы психологии творчества на страницах «Золотой розы» К. Паустовского / Валентина Мацапура // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 3.- М., 2007.- С. 106-112.



25. Михайлова, М. Воспоминания К. Паустовского о начале XX века: текст и контекст / Мария Михайлова // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 3.- М., 2007.- С. 57-66.

Большую историческую ценность представляют воспоминания писателя «Начало неведомого века». В первую очередь это касается портретов политиков.

26. Олливье, С. (Франция) Жан-Жак Руссо и Константин Паустовский - певцы природы и свободы / Софи Олливье // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 2.- М., 2002.- С. 66-77.
27. Олливье, С. (Франция). Оскар Уайльд глазами Паустовского и Камю / Софи Олливье // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 3.- М., 2007.- С. 113-120.
28. Олливье, С. Чувство красоты в последних рассказах Паустовского / Софи Олливье // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 2.- М., 2002.- С. 59-65.
29. Романенко, Е. (Украина). Нравственные начала в «Повести о жизни» К. Паустовского / Елена Романенко // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 3.- М., 2007.- С. 142-147.

30. Сапрыгина, Н.В. (Украина). Булгаков и Паустовский: пересечение судеб / Н.В. Сапрыгина // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 2.- М., 2002.- С. 228-235.
31. Хусаенова, Г.Д. (Татарстан). Явление синестезии в художественной прозе К. Паустовского / Г.Д. Хусаенова // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 2.- М., 2002.- С. 236- 239.

32. Швуяннь Су (Тайвань, Китай). Проблема творческой личности в системе индивидуального стиля К. Паустовского: на материале «Повести о жизни» // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 3.- М., 2007.- С. 91-105.
33. Шву-Янь Су (Китай, Тайвань). Соотношение лирического и эпического начал в «Повести о жизни» К. Паустовского // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 2.- М., 2002.- С. 101-118.
34. Штокман, И. Цветение жизни / Игорь Штокман // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 3.- М., 2007.- С. 126-131.

О влиянии творчества К.Г. Паустовского на становление личности и творческого, профессионального становления автора статьи Игоря Штокмана, кандидата филологических наук.

35. Щепкин, В. Психология личности: 1. Мечта как ноосферный метод раскрытия духовных, интеллектуальных и физических возможностей человека - в жизни и творчестве К.Г. Паустовского: несколько тезисов о природе становления писательского гения / Вячеслав Щепкин // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 3.- М., 2009.- С. 185-190.
36. Щепкин, В. Психология личности: 2. Психологические истоки личности и творчества Паустовского в контексте психологии Альфреда Адлера / Вячеслав Щепкин // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 3.- М., 2007.- С. 191-196.
37. Щелокова, Л.И. К вопросу публикации полного текста статьи К. Паустовского «Кому передавать оружие?» / Л.И. Щелокова // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 2.- М., 2002.- С. 221-227.

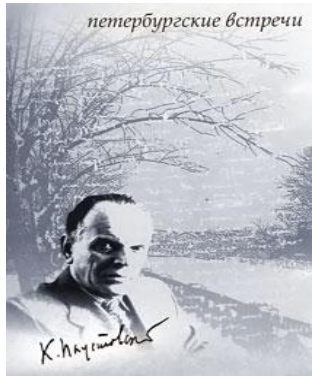
Написанная в 1959 году статья увидела свет лишь в 1982-м. Заказанная редакцией газеты «Литература и жизнь», статья не только без ретуши, смело давала

оценки литературного процесса, но и политической обстановки тех лет. Гражданская позиция беспартийного прозаика не всегда была в чести у партийных чиновников.

38. Щелокова, С. (Украина). Творческие связи К. Паустовского и украинских писателей / Светлана Щелокова // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 3.- М., 2007.- С. 132-141.

ЛИНГВИСТИКА

39. Базилевская, В.Б. Особенности синтаксических конструкций в повести К. Паустовского «Далекие годы» / В.Б. Базилевская // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 2.- М., 2002.- С. 259-267.
40. Брауда, Н.В. Система образов в супертексте рассказов К.Г. Паустовского / Н.В. Брауда // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 2.- М., 2002.- С. 288-300.



41. Гусарова - Раздорова, Н.П. (Латвия). Архитектоника белого цвета в художественных произведениях К. Паустовского / Н.П. Гусарова-Раздорова // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 2.- М., 2002.- С. 274-279.

42. Долгов, Ю.С. (Беларусь). Языковые тайны К.Г. Паустовского / Ю.С. Долгов // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 2.- М., 2002.- С. 280-287.
43. Попов, К. (Болгария). Идейно-художественная гармония в рассказе «Старый повар» Константина Паустовского / Константин Попов // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 2.- М., 2002.- С. 268-273.
44. Судавичене, Л.В. (Литва). Словарь языка К.Г. Паустовского: некоторые особенности структуры словарной статьи / Л.В. Судавичене // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 2.- М., 2002.- С. 249-258.

ЭССЕ

45. Будылин, И. Пушкинский заповедник в художественной литературе: размышления над страницами К. Паустовского и С. Довлатова: эссе / Иосиф Будылин // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 3.- М., 2007.- С. 216-223.

46. Варламова, Л. (Украина). Александр Грин и Константин Паустовский: эссе / Людмила Варламова // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 3.- М., 2007.- С. 235-241.

47. Довжук, П. Литературный импрессионизм Паустовского: эссе / Петр Довжук // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 3.- М., 2007.- С. 206-215.
48. Кабакова, В. К вопросу о поэтичности прозы К. Паустовского: эссе / Вера Кабакова // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 3.- М., 2007.- С. 224-225.
49. Козлова, Л. Константин Паустовский и Марина Цветаева - с тарусского холма…: эссе / Лилит Козлова // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 3.- М., 2007.- С. 242-254.
50. Малыш, С. (Украина). И слово в звуке отзовется: о влиянии композиционных приемов музыки на прозу К. Паустовского: эссе / Светлана Малыш // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 3.- М., 2007.- С. 226-234.

51. Шоломова, С. (Украина). «Да не судимы будем…»: Варлам Шаламов о Константине Паустовском: эссе / Софья Шоломова // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 3.- М., 2007.- С. 197-205.

ПАУСТОВСКИЙ В ШКОЛЕ И ВУЗЕ

52. Адеишвили, И. (Грузия). К.Г. Паустовский в грузинской школе: по материалам методических работ / Ия Адеишвили // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 3.- М., 2007.- С. 292-300.
53. Бабаян, А. Классное наставничество в мемуарах К.Г. Паустовского / А. Бабаян // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 3.- М., 2007.- С. 305-309.

    «Повести о жизни» - источник историко-педагогических знаний.
54. Галицких, Е. «Телеграмма» К. Паустовского - читателям XXI века: размышления после урока литературы / Елена Галицких // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 3.- М., 2007.- С. 270-275.
55. Гаспаришвили, В. (Грузия). Произведения Константина Паустовского на уроке внеклассного чтения: на примере новеллы «Ручьи, где плещется форель» / Виолетта Гаспаришвили // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 3.- М., 2007.- С. 276-291.

56. Гербер, М. (Германия). Кому же в наши дни все эти сказки нужны? / Моника Гербер // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 3.- М., 2007.- С. 255-260.

Моника Гербер - доктор филологии, доцент Лейпцигского университета, преподаватель русского языка. Ее студенты - будущие учителя русского языка - изучают творчество К. Паустовского.

57. Гудонене, В. (Литва). Константин Паустовский в литовской школе / Вида Гудонене // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 3.- М., 2007.- С. 301-304.
58. Иванова, С.Ф. Константин Паустовский в Воскресной школе: урок-беседа по сказке «Теплый хлеб» / С.Ф. Иванова // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 3.- М., 2007.- С. 261-269.
59. Кудрявцева, Г. Паустовский и Север / Галина Кудрявцева // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 3.- М., 2007.- С. 310-315.

Изучение произведений Паустовского о Карелии в школе.

60. Слуцкая, Т. Формирование воображения у детей: на примере работы по программе «К.Г. Паустовский на Навлинской земле» / Тамара Слуцкая // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 3.- М., 2007.- С. 316-320.

Экспозиция Навлинского филиала Брянского музейного объединения о К. Паустовском и имении Рёвны, где прошли детские годы писателя.

61. Ачкасова, Л. (Татарстан). Образ Киева в автобиографической повести К. Паустовского «Далекие годы» / Людмила Ачкасова // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 3.- М., 2007.- С. 72-79.
62. Базилевская, В. «Остров сокровищ» Крым: изображение природы в крымских рассказах Паустовского / Валентина Базилевская // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 3.- М., 2007.- С. 158-166.
63. Богданова, Н. Волшебство заповедного края: Солотча в письмах К.Г. Паустовского / Наталья Богданова // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 3.- М., 2007.- С. 406-411.
64. Веревкин Г. Книги К. Паустовского о Березниках / Геннадий Веревкин // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 3.- М., 2007.- С. 425-428.

65. Дунь Сяо (Китай). К.Г. Паустовский в Китае // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 3.- М., 2007.- С. 121-125.
66. Ипполитова, Н. За строкой путевого очерка / Нина Ипполитова // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 3.- М., 2007.- С. 390-405.

С 19 по 23 мая 1931 года К.Г. Паустовский был в Калмыкии и написал путевой очерк «По калмыцкой степи» (позже переработал и дал название «Подводные ветры»).

67. Карлюкевич, А. (Беларусь). Дальний свет Паустовского / Алесь Карлюкевич // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 3.- М., 2007.- С. 379-382.

На фронт Первой империалистической войны К. Паустовский попал в штат полевого санитарного поезда санитаром в Беларусь.

68. Коваленко, А. Паустовский и Смела: поиски, исследования, находки / Анатолий Коваленко // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 3.- М., 2007.- С. 357-378.

Городок Смела на реке Тясмин в Украине - родина предков К.Г. Паустовского, которую он посещал.

69. Муравинская, Л. Константин Паустовский: Алтай, Барнаул / Л. Муравинская, В. Ащеулов, С. Захаров // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб.- Вып. 3.- М., 2007.- С.412-419.

70. Охремчик, С. Воронежские этюды: 1. Письма К.Г. Паустовского из Эртелево; 2. Бунинский Елец в произведениях и судьбе К.Г. Паустовского / Сергей Охремчик // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 3.-М., 2007.- С. 331-356.

71. Панченков, В. / Василий Панченков. «Вокруг лес, снега, тишина…»: Пушкино в жизни и творчестве К.Г. Паустовского// Подмосковный летописец.- 2012.- №2 (32).- С. 46-53.

К.Г. Паустовский жил в подмосковном поселке Пушкино в 20–30-х гг. XX в. и писал об этом местечке в «Книге странствий».

72. Пирогов, А. «Как слезы первые любви…»: «Истории с географией»; Вьюга в базарном Сызгане; Старый дом с садом и крыжовником; Старый пароход / Анатолий Пирогов // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 3.- М., 2007.- С. 321-330.

С. 321-322: О памятнике К.Г. Паустовскому в американском городке «Деревня Чураевка», в котором живут выходцы из России.

73. Савельев, В. Писатель и история: уроки создания повести «Судьба Шарля Лонсевиля» / Валерий Савельев // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 3.- М., 2007.- С. 429-430.

В центре повести об истории Петровского, позднее Онежского, завода в г. Петрозаводске вымышленный герой - Шарль Лонсевиль.

74. Семибратов, В. Начало с Вятской улицы: Паустовский и Вятский край / Владимир Семибратов // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 3.- М., 2007.- С. 420-424.

75. Скепнер, Л. Об архангельской ссылке А.С. Грина: комментарий к публикации «Паустовский: Архангельские находки» / Людмила Скепнер // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 3.- М., 2007.- С. 173-178.
76. Скуратовский, В. (Украина). «Душа жива…» / Вадим Скуратовский // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 3.- М., 2007.- С. 67-71.

К.Г. Паустовский и Украина.

77. Степанова, А.А. (РФ, Адыгея). Образ русской провинции в творчестве К. Паустовского / А.А. Степанова, Т.М. Степанова // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 2.- М., 2002.- С. 195-199.

География российской провинции у Паустовского очень обширна. Именно провинция формировала эстетический мир писателя и служила для него источником литературного материала.

78. Судавичене, Л. (Литва). Литва глазами Константина Паустовского: по материалам произведений писателя / Лилия Судавичене // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 3.- М., 2007.- С. 167-172.
79. Хлебянкина, Т. Константин Паустовский и писатели Талдомского края: по страницам «Книги скитаний» и цикла новелл книги «Золотая роза» / Татьяна Хлебянкина // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 3.- М., 2007.- С. 383-389.

80. Бурлаева, Г. Литературный архив К.Г. Паустовского в Московском музее-центре писателя: фонд В.К. Паустовского / Галина Бурлаева // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 3.- М., 2007.- С. 480-488.

81. Кармазина, Т. К.Г. Паустовский в переписке Лидии Делекторской и Леонида Рахманова (с 1958 по 1987 г.) / Татьяна Кармазина // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 3.- М., 2007.- С. 437-446.
82. Комаров, И. Музейный культурно-просветительный, литературно-художественный и научно-популярный журнал: из опыта издания журнала «Мир Паустовского» / Илья Комаров, Галина Корнилова // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 3.- М., 2007.- С. 468-479.
83. Коршункова, Г. К расшифровке рукописи рассказа Константина Паустовского «Дождливый рассвет» / Галина Коршункова // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 3.- М., 2007.- С. 433-436.
84. Поздеева, З. Новое об известном: Сергей Толстой о К.Г. Паустовском / Зинаида Поздеева // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 3.- М., 2007.- С. 489-500.
85. Сивова, Т. (Беларусь). Цепочки цвета как фрагменты колористической палитры прозы Паустовского: на материале автобиографической книги «Повесть о жизни» / Татьяна Сивова // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып.3.- М., 2007.- С. 546-552.

86. Степанищев, Н. Паустовский - педагог: по материалам архива Литературного ин-та / Николай Степанищев // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 3.- М., 2007.- С. 447-467.
87. Тарасинская, И. (Украина). Сравнительный анализ рассказов К.Паустовского «Снег» и «Дождливый рассвет» / Инна Тарасинская // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 3.- М., 2007.- С. 541-545.

СТУДЕНЧЕСКИЕ РАБОТЫ

88. Васенкина, Т. (Украина). Украинизмы в произведениях К. Паустовского / Татьяна Васенкина // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 3.- М., 2007.- С. 518-521.
89. Деревянко, П. (Украина). Белоцерковские страницы в книге К. Паустовского «Повесть о жизни»: к истории рода Паустовских / Павел Деревянко // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 3.- М., 2007.- С. 522-540.
90. Краснов, Е. Особенности стиля К. Паустовского: на примере книги «Летние дни» / Евгений Краснов // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 3.- М., 2007.- С. 501-509.

91. Подобина, Ю. (Украина). Мотивы материнской любви и любви к матери в русской прозе XX века: на примерах рассказов К. Паустовского «Телеграмма», А. Платонова «Третий сын» и повести В. Распутина «Последний срок» / Юлия Подобина // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 3.- М., 2007.- С. 510-517.

ПЕРСОНАЖИ И ГЕРОИ КНИГ К. ПАУСТОВСКОГО

92. Базилевская, В.Б. Российские корни Шарля Лонсевиля / В.Б. Базилевская // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып.2.- М., 2002.- С. 78-95.

Повесть «Судьба Шарля Лонсевиля» автор писал по заказу М. Горького для серии книг «История фабрик и заводов». Старинный Петровский (позже - Онежский) завод пушек и якорей в Карелии. Паустовский считал, что материал о заводе лег «плотно и закономерно вокруг артиллериста» Шарля Лонсевиля. Возникший в воображении автора Лонсевиль, хотя и вобрал в себя черты человека близкого Паустовскому, тем не менее жил своей особой жизнью и его судьба - главное в содержании повести.

93. Высочанский В. О судьбе Н.Г. Высочанского: документы и публикации / Вадим Высочанский // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 4. Персонажи и герои книг К. Паустовского. Кн. 1.- М., 2007.- С. 142-160.

Будучи мальчиком, Константин Паустовский подолгу жил в доме своего дяди Николая Григорьевича Высочанского и много страниц посвятил ему в своей книге «Повести о жизни».

94. Гамаюнова, А. О братьях Зданевичах / Аэлла Гамаюнова // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 4. Персонажи и герои книг К. Паустовского. Кн. 1.- М., 2007.- С. 183-191.

Братья Зданевичи, Кирилл и Илья, художник и поэт-футурист. О них писал К. Паустовский в своем произведении «Бросок на юг».

95. Касаткин, В. Петр Алексеевич Оленин-Волгарь: материалы к биографии / Владимир Касаткин // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 4. Персонажи и герои книг К. Паустовского. Кн. 1.- М., 2007.- С. 192-210.

П.А. Оленин-Волгарь (1864-1926 гг.) - писатель, актер, режиссер, капитан речного флота - герой «Золотой розы» К. Паустовского.

96. Ляшенко, А. (Украина). Повесть Константина Паустовского «Тарас Шевченко»: характер или образ, легенда или быль? / Анна Ляшенко // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 3.- М., 2007.- С. 148-157.

97. Платонова, Л. Личность и творчество профессора А.Н. Гилярова: влияние идей философа на мировоззрение Константина Паустовского / Лариса Платонова // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 4. Персонажи и герои книг К. Паустовского. Кн. 1.- М., 2007.- С. 162-182.

Алексей Никитич Гилязов - профессор историко-филологического факультета Киевского университета Святого Владимира.

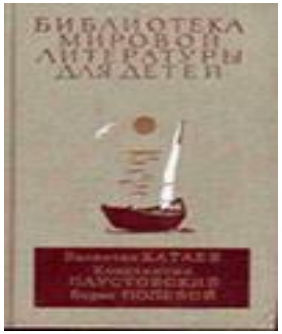
Гернет Евгений Сергеевич

98. Гернет, Г. Воспоминания об отце: введение / Галина Гернет // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып.4. Персонажи и герои книг К. Паустовского. Кн. 1.- М., 2007.- С. 47-79.

В разные периоды своей жизни Евгений Сергеевич Гернет плавал капитаном торговых пароходов, работал представителем СССР в Китае и Японии. К. Паустовский не раз писал об этом незаурядном человеке.

99. Гернет, Г. Работа Е.С. Гернета в Гидрографическом управлении / Галина Гернет // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 4. Персонажи и герои книг К. Паустовского. Кн.1.- М., 2007.- С. 32-45.

Имя ученого-геолога Евгения Сергеевича Гернета было вычеркнуто из истории освоения Арктики. В 1938 году он был арестован, выслан в Казахстан и только в 1958 году реабилитирован. Е.С. Гернет проектировал специальные карты для морской и воздушной навигации в околополюсных районах Земли. Такая карта была создана им для экспедиции Папанина.



100. Гернет, Г. Хроника жизни Е.С. Гернета / Галина Гернет // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 4. Персонажи и герои книг К. Паустовского. Кн. 1.- М., 2007.- С. 15-31.

Е.С. Гернет - участник защиты крепости Порт-Артур в начале XX века. В годы Первой мировой войны старший лейтенант Е. Гернет служит в Транспортной флотилии Черноморского флота. За ратные подвиги награжден орденами. В 1920 г. создает Азовскую военную флотилию. В 1923-1932 годах работает на Дальнем Востоке в Совторгфлоте. А с 1933 года занимается наукой, работая в Гидрографическом Управлении Главсевморпути (г. Ленинград). Он создал первые морские и авиационные карты для околополюсных районов Земли. Его картами пользовались экспедиции Папанина и все последующие станции «Северный Полюс». 1 Мая 1938 г. Евгений Сергеевич Гернет был арестован органами НКВД. Реабилитирован через 12 лет после смерти. К.Г. Паустовский был восхищен мужеством Евгения Сергеевича, и это нашло свое отражение в творчестве писателя.

101. Гернет, Е. Гренландское море / Евгений Гернет // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 4. Персонажи и герои книг К. Паустовского.- М., 2007.- С. 45-46.

Статья Е.С. Гернета была опубликована в газете для широкого круга читателей.

102. Чижов, О. Ледниковая теория Е.С. Гернета и ее значение / Олег Чижов // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 4. Персонажи и герои книг К. Паустовского. Кн. 1.-М., 2007.- С. 8-14.

Евгений Сергеевич Гернет - ученый-геолог, герой книг писателя.

Зузенко Александр Михайлович

103. Измайлов, А. Строптивый и добрый человек / Альберт Измайлов // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 4. Персонажи и герои книг К. Паустовского. Кн. 1.- М., 2007.- С. 88-94.

О капитане дальнего плавания Александре Михайловиче Зузенко К. Паустовский писал неоднократно, знал его лично по совместной работе в редакции газеты «На вахте».

104. Клименченко, Ю. Лонг Алек / Юрий Клименченко // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 4. Персонажи и герои книг К. Паустовского. Кн. 1.- М., 2007.- С. 80-87.

Лонг Алек - другое имя капитана корабля Александра Михайловича Зузенко, героя произведений К. Паустовского. Писатель был знаком с капитаном, который прожил жизнь, полную приключений.

105. Лаврова, Л. Человек - легенда / Людмила Лаврова // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 4. Персонажи и герои книг К. Паустовского. Кн. 1.- М., 2007.- С. 95-99.

Капитан Балтийского пароходства А.М. Зузенко прожил яркую, необыкновенную жизнь. Он побывал во многих странах мира, но всегда стремился вернуться на Родину. Приговоренный королем Великобритании за «распространение вредных идей» в 1918 году к смертной казни, сумел избежать такого трагического конца своей жизни.

Панцержанский Эдуард Самуилович

106. Макарова, Ф. Литературный герой и его прототип / Фаина Макарова // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 4. Персонажи и герои книг К. Паустовского. Кн. 1.- М., 2007.- С. 102-109.

Эдуард Самуилович Панцержанский (1887-1937 гг.) - выдающийся деятель военно-морского флота СССР стал прототипом капитана Тренера, главного героя повести «Озерный фронт».

107. Панцержанский, Э. Февральская буря: из воспоминаний / Эдуард Панцержанский // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 4. Персонажи и герои книг К. Паустовского. Кн. 1.- М., 2007.- С. 122-140.

Воспоминания о Февральской революции 1917 года в России, участником которых был автор этой статьи. Литературный герой К. Паустовского, прототипом которого был Э.С. Панцержанский, не был похож на традиционных реалистических героев.

108. Степанищев, Н. Отечеству - верность, службе - честь / Николай Степанищев // К.Г. Паустовский: сб. Вып. 4. Персонажи и герои книг К. Паустовского. Кн. 1.- М., 2007.- С. 110-115.

Эдуард Панцержанский родился и вырос в Либаве (после 1917года - Лиепая, Литва) и с детства был одержим морем. Мальчик из обедневшей семьи польского шляхтича не только получил высшее образование, но и стал начальником Морских сил СССР, готовил руководящие кадры для флота. Но трагическая участь постигла в 1937 году и его: был репрессирован и расстрелян. Только в 1956 году приговор был отменен за отсутствием состава преступления. Такая яркая личность не могла не заинтересовать К. Паустовского и Э.С. Панцержанский стал прототипом героя книг писателя.

109. Черников, И. Видлицкая операция / И. Черников. // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 4. Персонажи и герои книг К. Паустовского. Кн. 1.- М., 2007.- С. 116-121.

Командующий флотилией Э.С. Панцержанский - прототип героя книг К. Паустовского - пример высокого боевого мастерства и отваги, мужества для моряков во время Видлицкой операции.

110. Виноградова, А. Черноморская трагедия / Агнесса Виноградова // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 4. Персонажи и герои книг К. Паустовского. Кн.1.- М., 2007.- С. 229-236.

Все офицеры мятежного «Очакова» покинули крейсер. Шмидт П.П. не мог ответить отказом на доверие матросов и просьбу возглавить корабль. Трагична история «Очакова»: погиб корабль и большая часть экипажа. П.П. Шмидт, ему было всего 39 лет, был расстрелян. К.Г. Паустовский восхищался мужеством команды и П.П. Шмидта.

111. Иващенко, Л. Подтвердилось убеждение… / Лидия Иващенко // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 4. Персонажи и герои книг К. Паустовского. Кн. 1.- М., 2007.- С. 212-228.

П.П. Шмидт мечтал о мирном преобразовании существующего государственного строя России. Надеясь предотвратить кровопролитие, он вынужден был возглавить в ноябре 1905 года вооруженное восстание моряков. К.Г. Паустовский сумел чарующим родниковым языком передать великое мужество Шмидта, верность своему народу и ответную трогательную любовь к нему простого люда.

112. Краснов, В. Возмездие: о печальных судьбах мятежников и их палачей / Владимир Краснов // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 4. Персонажи и герои книг К. Паустовского. Кн. 1.- М., 2007.- С. 237-239.

После двухчасового ожесточенного обстрела мятежный «Очаков» превратился в огромный костер, пылающий в Севастопольской бухте. С горящего корабля прыгнули в воду вместе с другими лейтенант П.П. Шмидт и его 16-летний сын Евгений. Шмидта и наиболее активных участников восстания заключили в крепость в Очакове. Судебный процесс о Севастопольском вооруженном восстании закончился трагически.

113. Паустовский, В. Издавна близкая тема / Вадим Паустовский // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. Вып. 4. Персонажи и герои книг К. Паустовского. Кн. 1.- М., 2007.- С. 240-248.

Судьба лейтенанта Петра Петровича Шмидта волновала К. Паустовского с юности и он много раз возвращался к ней в своем творчестве. Считаясь революционером, П.П. Шмидт не состоял ни в одной политической партии. В 1905 году он возглавил восстание на крейсере «Очаков» и все дальнейшие события укрепили его предубеждение ко многим деятелям различных партий, к бюрократии. К. Паустовского и П. Шмидта объединяла историческая оценка роли русской бюрократии как самостоятельной зловещей силы, которая создавала обстановку вседозволенности, и это привело Россию к кризису 1905 года.

Содержание

Предисловие……..……..3

Константин Георгиевич Паустовский «Коротко о себе»…...5

Галина Коршункова «Чтобы помнили»……19

Московский литературный музей-центр

им. К.Г. Паустовского……..……49

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ……..……..…..……..…49

КОЛЛЕКЦИЯ МУЗЕЯ…….....……..……..…..……..…54

ЭКСПОЗИЦИЯ……....……..……56

Журнал «Мир Паустовского»……..……64

Литература о жизни и творческом наследии

К.Г. Паустовского……..……....65

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ……..……..…68

ЛИНГВИСТИКА……..……..……..……75

ЭССЕ……..……..……..……76

ПАУСТОВСКИЙ В ШКОЛЕ И ВУЗЕ……..…..……78

ЛИТЕРАТУРНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ……..……....…..80

ИССЛЕДОВАНИЯ……..……..……..……84

СТУДЕНЧЕСКИЕ РАБОТЫ……..……..……85

ПЕРСОНАЖИ И ГЕРОИ КНИГ К. ПАУСТОВСКОГО……....……86